

РАЙЧЕЛ
МИД

ЧУВСТВО ВИНЫ

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

САМО ПО СЕБЕ
ТЮРЬМА

ПОСЛЕДНЯЯ
ЖЕРТВА

Райчел Мид

Последняя жертва

Серия «Вселенная Академии вампиров»

Серия «Академия вампиров», книга 6

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2573705

Академия вампиров. Кн. 6 : Последняя жертва: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-48940-4

Аннотация

В сообществе вампиров произошло событие небывалое – убита правительница мороев королева Татьяна. И так сложилось, что все улики указывают на то, что преступница – Роза Хэзевей, выпускница Академии вампиров, недавно получившая звание стража. Приговор страшен – Роза должна быть казнена. У девушки есть всего две недели, за которые ей необходимо получить доказательства своей невиновности и предъявить их королевскому двору. Дело осложняется тем, что, кроме заботы о спасении собственной жизни, Роза должна помочь своей подруге, принцессе Лиссе, занять опустевший трон, который принадлежит ей по праву.

Впервые на русском! Новая книга культового сериала об Академии вампиров!

Содержание

Один	4
Два	22
Три	37
Четыре	50
Пять	73
Шесть	92
Семь	110
Восемь	136
Девять	157
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Райчел Мид

Последняя жертва

Эта книга посвящается Ричу Бейли и Алану Доути – учителям, оказавшим огромное влияние на мое творчество, и всем другим моим учителям (и одновременно друзьям), которые помогают начинающим писателям. Боритесь и дальше за правое дело, все вы.

Один

Не люблю клетки.

Даже в зоопарк ходить не люблю. В первый раз, когда я оказалась там, у меня чуть клаустрофобия не развилась при виде всех этих несчастных животных. Просто в голове не укладывается – как любое создание может жить в таких условиях? Иногда я даже сочувствую преступникам, обреченным на жизнь в камере. И уж конечно, никогда не думала, что мне придется самой проводить жизнь в тюрьме.

Впрочем, в последнее время со мной случалось многое, чего я никак не ожидала, и вот теперь мне довелось оказаться здесь, под замком.

– Эй! – закричала я, вцепившись в стальные прутья, которые отделяли меня от остального мира. – Долго мне еще

тут сидеть? Когда будет судебное разбирательство? Я не могу целую вечность проторчать в этой темнице!

Ладно, это была не темница в общепринятом смысле: темное помещение, ржавые цепи и все такое прочее. Я находилась в маленькой камере с чистыми стенами, чистым полом и... ну, чистым всем. Ни единого пятнышка. Стерильность. Холод. И это действовало более угнетающе, чем самый затхлый каземат, который только можно вообразить. Прутья, в которые я вцепилась, на ощупь были холодные, твердые и прочные. От резкого флуоресцентного света металл вокруг мерцал, раздражая глаза. Я видела человека, неподвижно стоящего сбоку от входа в камеру, и знала, что в коридоре находятся, скорее всего, еще четыре охранника. И я понимала, что никто из них не собирается отвечать, но это не мешало мне на протяжении двух последних дней снова и снова задавать свои вопросы.

В ответ – обычная тишина. Я вздохнула и плюхнулась на койку в углу камеры, твердую и бесцветную – как и все остальное в моем новом доме. Да, я и впрямь начинала мечтать о настоящей темнице. По крайней мере, там можно было бы наблюдать за крысами и пауками. Я перевела взгляд вверх и вновь мгновенно испытала дезориентирующее ощущение, что стены и потолок со всех сторон надвигаются на меня, все ближе и ближе, выжимая из легких воздух, лишая возможности дышать...

Я резко выпрямилась, хватая ртом воздух.

«Не гляди на стены и потолок, Роза», – выбрала я себя.

Перевела взгляд на свои сцепленные руки и в который раз попыталась разобраться, как меня угораздило попасть в такую беду.

Очевидный ответ напрашивался сам собой: меня ложно обвинили в преступлении, которого я не совершала. И это было не какое-нибудь мелкое мошенничество, а убийство. Какая наглость – обвинить меня в самом серьезном преступлении, которое может совершить дампир или морой. Правда, нельзя сказать, что я не убивала прежде. Убивала, и не раз. Также на моей совести немало нарушений правил и даже законов. Однако хладнокровное убийство... Нет, это не в моем духе. В особенности убийство королевы.

Правда, королеву Татьяну к числу моих друзей никак не отнесешь. Она была холодной, расчетливой правительницей мороев – расы живых, использующих магию вампиров, которые не убивают свои жертвы ради крови. По множеству причин у нас с Татьяной отношения не заладились. Во-первых, я встречалась с Адрианом, ее внучатым племянником. Во-вторых, я не одобряла ее политику в отношении стригоев – злобных не-мертвых вампиров, преследующих всех нас. Татьяна много раз водила меня за нос, но я не желала ей смерти. А вот кто-то, видимо, желал и оставил на месте преступления улики, указывающие прямо на меня. Худшей из них были мои отпечатки пальцев, покрывающие серебряный кол, которым убили Татьяну. Конечно, это был мой собственный

кол, и, естественно, на нем были мои отпечатки пальцев. Никто, казалось, не принимал это в расчет.

Я снова вздохнула и вытащила из кармана маленький смятый листок бумаги. Мое единственное чтение здесь. Впрочем, в прямом смысле читать слова необходимости не было, и я просто сжала листок в руке. Я давным-давно выучила наизусть все, что там написано. Записка порождала у меня множество вопросов, и один из них: что я знала о Татьяне?

Огорченная той обстановкой, в которой оказалась, я «сбежала» из нее в сознание своей лучшей подруги, Лиссы. Лисса – моройка, и между нами существует особая внутренняя связь, позволяющая мне вторгаться в ее разум и видеть мир ее глазами. Каждый морой специализируется в одном из видов магии, может подчинять себе одну из четырех стихий – землю, воду, воздух или огонь. Лиссе подвластна стихия духа – она связана с психическими силами и исцелением, и владение ею почти не встречается в среде мороев, которым чаще всего подчиняются физические стихии. Мы только-только начали постигать возможности стихии духа – совершенно невероятные, как выяснилось. Несколько лет назад я погибла во время автомобильной аварии, но именно с помощью стихии духа Лисса вернула меня к жизни, что и породило нашу связь.

Оказавшись в ее сознании, я как бы вырывалась на свободу из своей клетки, но это мало помогало решению моих проблем. Со времени слушания, где были представлены

указывающие на меня улики, Лисса не покладая рук изыскивала способы доказать мою невиновность. То, что убийство совершили моим колом, это лишь начало. Мои оппоненты поторопились напомнить всем о моей враждебности по отношению к королеве и, выясняя, где я находилась во время убийства, нашли свидетеля, фактически оставившего меня без алиби. Совет решил: улик достаточно, чтобы подвергнуть меня полноценному судебному разбирательству, где мне и предстояло выслушать приговор.

Лисса отчаянно старалась привлечь внимание людей к моей судьбе, убедить их в том, что меня оклеветали. Ей, однако, было нелегко найти слушателей, поскольку весь моройский королевский двор оказался поглощен подготовкой к похоронам Татьяны. Смерть монарха – большое событие. Чтобы стать свидетелями впечатляющего зрелища, со всего мира съезжались морои и дампирьы – наполовину вампирьы вроде меня. Угощение, цветы, убранство, даже музыканты... масса забот. Даже если бы Татьяна выходила замуж, вряд ли это повлекло бы за собой такие хлопоты. Конечно, всем было не до меня. Большинство людей считало, что, раз я сижу под замком и больше никого убить не могу, справедливость торжествовала. Убийца Татьяны найдена. Дело закрыто.

Не успела я оглядеться по сторонам глазами Лиссы, как суматоха в тюрьме выдернула меня обратно. Кто-то разговаривал с охранниками, прося разрешения увидеться со мной. Первый посетитель за несколько дней. Сердце заколотилось,

я бросилась к решетке, надеясь наконец услышать от пришедшего, что все это ужасная ошибка.

Однако мой гость оказался не совсем тем, кого я ожидала.

– Старик... – тоскливо протянула я. – Что ты здесь делаешь?

Передо мной стоял Эйб Мазур. Как обычно, он выглядел каким-то чудом в перьях. Была середина лета – жаркого и влажного, как и положено в сельской части Пенсильвании, – что не помешало ему облачиться в костюм. Прекрасно сшитый, но дополненный алым шелковым галстуком и шарфом того же цвета... это уже явно перебор. Золотые драгоценности выделялись на фоне смуглой кожи, и, похоже, он совсем недавно постриг короткую черную бородку. Эйб – морой и, хотя он не из королевской семьи, влиянием обладает немалым.

И еще по воле случая он мой отец.

– Я твой адвокат, – жизнерадостно заявил он. – Прибыл, чтобы оказать тебе юридическую помощь.

– Ты не адвокат, – напомнила я ему. – И твои последние советы не очень-то мне помогли.

Говорить такое было низко с моей стороны. Эйб, хотя и не получил официального образования, защищал меня во время предварительного слушания. Очевидно, не слишком успешно, поскольку я оказалась за решеткой в ожидании судебного разбирательства. Но, проторчав тут несколько дней в полной изоляции, я поняла, что кое в чем он был прав. Ни

один адвокат, как бы хорош он ни был, не мог спасти меня во время этого слушания. Следовало отдать Эйбу должное – он проявил мужество и взялся за заведомо проигрышное дело, хотя я и не понимала почему, памятуя о наших поверхностных отношениях. Все, что мне приходило в голову, – он не доверял никому из королевских мороев и, как отец, чувствовал себя обязанным помочь мне. Именно в таком порядке.

– Я выступил безупречно, – возразил он, – а вот твоя речь, в которой ты употребила слова «если бы я была убийцей», сработала не в нашу пользу. Внедрить этот образ в сознание судьи – не самое умное, что ты могла сделать.

Проигнорировав колкое замечание, я скрестила на груди руки.

– Так почему ты здесь? Знаю, это не просто отцовский визит. Ты никогда ничего не делаешь просто так.

– Конечно. Зачем делать что-то просто так?

– Только вот не надо демонстрировать мне свою знаменитую логику.

Он подмигнул мне.

– Не нужно завидовать. Если будешь очень стараться и призовешь на помощь мозги, то в конце концов унаследуешь мою блестящую логику.

– Эйб, завязывай с этим.

– Прекрасно, прекрасно. Я пришел рассказать, что заседание суда по твоему делу может быть перенесено на более ранний срок.

– Ч-что? Это же потрясающая новость!

По крайней мере, так я думала, однако выражение лица Эйба свидетельствовало об обратном. Согласно моим последним сведениям, ждать суда мне предстояло не один месяц. Одна мысль об этом – и о необходимости так долго оставаться в камере – вызывала у меня приступ клаустрофобии.

– Роза, пойми – судебное разбирательство будет практически идентично предварительному слушанию. Те же доказательства и вердикт: «Виновна».

– Да, но неужели мы ничего не можем предпринять? Найти доказательства моей невиновности? – Внезапно меня осенило, какая проблема может возникнуть. – Когда ты сказал «произойдет раньше», какой срок ты имел в виду?

– В идеале они хотели бы покончить с этим сразу после коронации нового монарха. Сделать суд частью посвященных коронации торжеств.

Он говорил беспечным тоном, но, столкнувшись с его мрачным взглядом, я уловила смысл. В голове замелькали числа.

– На похороны уйдет неделя, избрание сразу после этого... Ты хочешь сказать, что я могу оказаться в суде и буду осуждена... мм... практически через две недели?

Эйб кивнул.

Сердце бешено заколотилось в груди, я снова метнулась к решетке.

– Две недели? Ты это серьезно?

Когда он сказал, что судебное заседание передвинут, я подумала, что осталось еще около месяца. Хватит времени, чтобы найти новые доказательства. Как я собиралась это сделать? Непонятно. А теперь получалось, что время стремительно убывает. Две недели – этого недостаточно, в особенности с учетом бурной деятельности двора. Несколько мгновений назад я возмущалась тем, что мне предстоит сидеть тут так долго. Теперь времени оставалось слишком мало, и ответ на мой следующий вопрос мог только расстроить меня еще больше.

– Сколько? – спросила я, изо всех сил сдерживая дрожь в голосе. – Сколько времени проходит между вынесением вердикта и... исполнением приговора?

Я пока не осознавала в полном объеме, что именно унаследовала от Эйба, но одна черта, несомненно, была у нас общая: «дар» приносить скверные новости.

– Это происходит практически сразу.

– Сразу. – Я попятилась, чуть не села на постель, но потом почувствовала новый прилив адреналина. – Сразу? Значит, через две недели я могу быть... мертва.

Потому что именно это угрожало мне, когда стало ясно, что кто-то сумел подтасовать доказательства и подставить меня. Людей, которые убивают королей, не сажают в тюрьму. Их казнят. Очень немногие преступления в среде мороев и дампинов караются так сурово. Стремясь продемонстрировать свое превосходство над кровожадными стригоями, мы

стараемся осуществлять правосудие цивилизованными методами. И все же некоторые преступления в глазах закона заслуживают смерти. И некоторые люди тоже заслуживают ее – такие, скажем, как предатели и убийцы. Когда шок от осознания ближайшего будущего в полной мере обрушился на меня, я почувствовала, что дрожу и слезы угрожающе близко подступают к глазам.

– Это несправедливо! Это несправедливо, и ты понимаешь это!

– Что я думаю, никакого значения не имеет, – спокойно ответил он. – Я просто сообщаю тебе факты.

– Две недели, – повторила я. – Что можно сделать за две недели? В смысле, у тебя ведь уже есть какая-то идея? Или... или... ты можешь найти что-нибудь к тому времени?

Я говорила отчаянно, сбивчиво, почти истерично. Ну, собственно, так я себя и чувствовала.

– Сделать многое будет довольно трудно, – ответил Эйб. – Двор слишком занят похоронами и выборами. Обычный порядок нарушен – это и хорошо, и плохо.

Об этих приготовлениях я узнавала через Лиссу. И, да, надвигался хаос. Найти какую-нибудь улику в такой неразберихе не просто трудно – невозможно.

«Две недели. Две недели, и, возможно, я буду мертва».

– Это немыслимо, – ломким голосом сказала я. – Я никогда не собиралась умирать... так.

– Неужели? – Он дугой выгнул бровь. – Ты знаешь, как,

предположительно, умрешь?

– В бою. – Одна слеза сумела скатиться, и я торопливо вытерла ее. Я всегда представляла это себе только так и не хотела, чтобы этот образ разлетелся вдребезги, в особенности сейчас. – В сражении. Защищая тех, кого люблю. Заранее запланированная казнь... Нет, это не для меня!

– Это тоже сражение, в некотором роде, – задумчиво сказал он. – Просто не в физическом смысле. Две недели – по-прежнему две недели. Это плохо? Да. Но лучше, чем одна неделя. Нет ничего невозможного. Может, всплывет новая улика. Ты должна просто ждать и смотреть.

– Ненавижу ждать. Эта камера... Она такая маленькая. Я не могу дышать. Она убьет меня прежде, чем это сделает палач.

– Сильно сомневаюсь. – В лице Эйба не было ни тени сочувствия. Суровая любовь. – Ты, которая бесстрашно сражалась с целыми шайками стригоев, пасуешь перед маленькой комнатой?

– Дело не только в этом! Теперь я должна торчать в этой дыре, понимая, что время моей смерти приближается и почти нет способа предотвратить ее.

– Иногда самую серьезную проверку нашей силы создают ситуации, которые на первый взгляд не кажутся опасными. Иногда просто выживание – самая трудная вещь на свете.

– Ох, нет, нет! – Я принялась расхаживать, описывая маленькие круги. – Только не надо этого высокопарного дерь-

ма! Ты прямо как Дмитрий – когда он давал мне свои глубокомысленные жизненные уроки.

– Он выдержал, оказавшись точно в такой же ситуации. И многое другое выдержал.

Дмитрий.

Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. До всей этой истории с убийством Дмитрий представлял собой самую большую проблему в моей жизни. Год назад – хотя, казалось, с тех пор прошла вечность – он был моим инструктором в средней школе, под его руководством мне суждено было стать вампиром-стражем, которому предстоит защищать морю. Он преуспел в этом – и во многом другом. Мы полюбили друг друга. Это была вещь недозволенная, мы боролись с собой сколько могли, но в итоге даже разработали план, как нам быть вместе. Все надежды рухнули, когда его насильственно обратили в стригоя. Для меня это стало непередаваемым кошмаром. Потом, в результате чуда, в возможность которого никто не верил, Лисса с помощью магии духа снова трансформировала его в вампира. Однако, как выяснилось, это вовсе не означало, что все снова станет в точности так же, как было до нападения стригоев.

Я сердито посмотрела на Эйба.

– Дмитрий выдержал, да, но был очень подавлен из-за всего произошедшего. Он и сейчас в таком состоянии.

Осознание того, какие ужасные зверства он творил, когда был стригоем, всей тяжестью обрушилось на него. Не в силах

простить себя, он клялся, что больше вообще не способен любить. Тот факт, что я начала встречаться с Адрианом, не способствовал решению проблемы. Предприняв множество тщетных усилий, я смирилась с тем, что для меня и Дмитрия все кончено. И решила жить дальше, надеясь, что у нас с Адрианом что-нибудь получится.

– Да, – сухо ответил Эйб. – Он подавлен, а ты живая картина счастья и радости.

Я вздохнула.

– Иногда разговаривать с тобой все равно что с самой собой: чертовски раздражает. Ты пришел, чтобы сообщить мне ужасные новости. Я была бы счастливее, оставаясь в неведении. Больше тебе тут ничего не надо?

«Никогда не предполагала умереть таким образом. Никогда не думала, что моя смерть будет заранее обозначена в календаре».

– Мне просто хотелось повидаться с тобой. И посмотреть, как ты устроилась.

И только тут до меня дошло, что в его последних словах есть доля правды. Пока мы разговаривали, Эйб смотрел на меня почти неотрывно. Я полностью владела его вниманием. В нашей пикировке не было ничего, что могло бы насторожить охранников. И все же довольно часто взгляд Эйба ускользал в сторону, фиксируя коридор, мою камеру и все другие детали, которые его интересовали. Эйб не случайно носил прозвище Змей. Он всегда рассчитывал, прикидывал,

взвешивал, всегда выискивал малейшее преимущество. Похоже, склонность к безумным планам – это у нас семейное.

– Еще мне хотелось помочь тебе пережить это время. – Он улыбнулся и протянул сквозь решетку два журнала и книгу, которые до этого зажимал под мышкой. – Может, это улучшит тебе настроение.

Ну, вряд ли любое развлечение сделает более переносимым двухнедельный обратный отсчет времени в ожидании смерти. Журналы были посвящены моде и уходу за волосами, книга называлась «Граф Монте-Кристо». Я подняла ее, остро нуждаясь в том, чтобы внести в разговор элемент шутки и сделать ситуацию не такой пугающе реальной.

– Я смотрела фильм. Эта тонкая символика на самом деле не такая уж тонкая – если, конечно, ты не спрятал в книге напильник.

– Эта книга лучше фильма. – Он сделал движение, собираясь уходить. – Ладно. Продолжим литературную дискуссию в следующий раз.

– Постой! – Я бросила журналы и книгу на койку. – Прежде чем ты уйдешь... Во всей этой неразберихе никто ни разу не поднимал вопрос, кто на самом деле убил ее.

Эйб молчал, и я вперила в него взгляд.

– Ты ведь веришь, что это не я сделала?

Насколько я его знала, даже считая меня виновной, он все равно пытался бы помочь. Это было бы вполне в его характере.

– Я верю, что моя славная доченька способна на убийство, – наконец ответил он. – Но этого ты не совершала.

– Тогда кто?

– Над этим я сейчас и работаю.

Он повернулся и зашагал в сторону выхода.

– Но ты только что сказал, что у нас времени в обрез! Эйб! – Я не хотела, чтобы он уходил. Не хотела оставаться наедине со своими страхами. – Исход дела предрешен!

– Просто помни, что я говорил в зале суда, – бросил он через плечо.

Он ушел, а я села на постель, вспоминая тот день в зале суда. В конце слушания он сказал мне – очень уверенно, – что меня не казнят. И что даже до судебного разбирательства дело не дойдет. Эйб Мазур не из тех, кто дает пустые обещания, но я начинала думать, что даже у него есть свои пределы, в особенности поскольку наше время истекало.

Я снова достала скомканный листок бумаги и расправила его. Он тоже попал ко мне в зале суда; его незаметно сунул мне в руку Эмброуз – слуга и, как поговаривали, любовник Татьяны.

Роза!

Если ты читаешь это, значит, произошло нечто ужасное. Наверное, ты ненавидишь меня, и я не виню тебя. Я могу лишь просить поверить – предложенный мной закон о снижении возрастного ценза лучше для твоего народа, чем то, что планируют

некоторые другие. Есть морои, которые предпочли бы заставлять всех дампиров служить, независимо от того, хотят они или нет, используя с этой целью магию принуждения. Новый закон притормозит деятельность этой фракции.

Однако я пишу тебе, чтобы сообщить тайну, в которую должно быть посвящено как можно меньше людей. Василисе необходимо занять ее место в Совете, и это можно сделать. Она не последняя из Драгомиров. Есть еще один, незаконный ребенок Эрика Драгомира, не знаю, сын или дочь. Большие мне ничего не известно, но если ты найдешь этого ребенка, Лисса обретет власть, которую заслуживает. Несмотря на твои недостатки и взрывной темперамент, ты единственная, кто, как мне кажется, может справиться с этой задачей. Займись ею, не теряя времени.

Татьяна Ивашкова

Я сотни раз читала и перечитывала эти слова, отчего они, конечно, ничуть не изменились, как и вопросы, ими порожденные. Действительно ли Татьяна написала эту записку? Доверила мне – несмотря на откровенно враждебное отношение – столь опасную тайну? В нашем мире все решения за мороев принимают двенадцать королевских семей, но в определенной ситуации их может быть всего одиннадцать. Лисса – последняя в своем роду, никаких других членов семьи Драгомир нет, и в этом случае, согласно моройскому закону, она не имеет права быть членом Совета и голосо-

вать, когда он принимает решения. Совет уже одобрил очень скверный закон, и, если верить этой записке, за ним могут последовать другие. Лисса могла бы выступать против этих законов – и некоторым людям это не понравилось бы; людям, которые уже продемонстрировали свою готовность убивать.

Еще один Драгомир.

Еще один Драгомир – это означает, что Лисса сможет голосовать. Еще один голос в Совете может многое изменить. Может изменить весь моройский мир. Может изменить мой мир – скажем, в том смысле, признают меня виновной или нет. И конечно, он может изменить мир Лиссы. Все это время она считала, что одинока. И однако... Я в тревоге задавалась вопросом, обрадуется ли она этому сводному брату или сестре. Я смирилась с тем, что мой отец мошенник, но Лисса всегда возводила своего отца на пьедестал, верила только хорошему о нем. Эта новость может стать для нее потрясением, и, хотя всю жизнь меня обучали тому, как обеспечить ее физическую безопасность, я начинала думать, что защищать ее нужно не только в этом смысле.

Но прежде всего мне необходима правда. Я должна узнать, действительно ли записка от Татьяны. У меня был способ выяснить это, но для этого мне пришлось бы делать то, что я ненавидела.

Что ж, почему бы и нет? Все равно прямо сейчас мне больше нечем заняться.

Встав с постели, я повернулась спиной к решетке и уста-

вилась на пустую стену, используя ее как точку фокусировки. Собралась, напомнила себе, что у меня хватит сил сохранять самообладание, и позволила рухнуть мысленным барьерам, которые всегда бессознательно возводила вокруг своего разума. И почувствовала, словно избавилась от огромного давления – как будто из надувного шара выпустили воздух.

Внезапно меня окружили призраки.

Два

Как всегда, это сбивало с толку. Вокруг облаком парили лица и черепа, полупрозрачные и светящиеся. Казалось, они тянутся ко мне, как если бы им отчаянно требовалось сказать что-то. И скорее всего, они действительно делали это. Призраки, застрявшие в нашем мире, – это беспокойные души, у которых есть причины, не позволяющие им двигаться дальше. После того как Лисса вернула меня из мира мертвых, моя связь с ним сохранилась. Потребовалось много труда и самообладания, чтобы научиться блокировать преследующих меня призраков. Магические защитные кольца вокруг морейского двора не подпускали ко мне большинство из них, но на этот раз я сама хотела, чтобы они появились здесь. Открывать им доступ, притягивать их к себе... ну, это была опасная затея.

Что-то подсказывало мне, что если когда-либо и существовал беспокойный дух, то это была бы королева, убитая в своей постели. Знакомых лиц вокруг я пока не видела, но не теряла надежды.

– Татьяна, – пробормотала я, мысленным взором сосредоточившись на лице мертвой королевы. – Татьяна, приди ко мне.

Когда-то мне с легкостью удавалось призывать одного призрака: моего друга Мейсона, убитого стригоем. Мы с Та-

тьяной не были так близки, как с Мейсоном, но связь между нами определенно существовала. Некоторое время ничего не происходило – тот же неясный рой лиц кружился передо мной. Начало подступать отчаяние. И внезапно она оказалась здесь.

Она стояла в той же одежде, в которой ее убили, – длинная ночная рубашка и халат, всё в крови. Краски приглушены и мерцают, словно экран неисправного телевизора. Тем не менее корона на голове и величественная осанка придавали ей тот же королевский вид, который мне запомнился. Материализовавшись, она ничего не говорила и не делала, просто пристально смотрела на меня; ее мрачный взгляд буквально проникал в душу. Я ощутила вспышку гнева и возмущения – обычная эмоциональная реакция в присутствии Татьяны, – а потом совершенно неожиданно нахлынула волна сочувствия. Ничья жизнь не должна заканчиваться так, как это произошло с ней.

Я заколебалась, опасаясь, что охранники могут услышать. Почему-то возникло чувство, что громкость моего голоса не имеет значения и никто из них не мог видеть того, что видела я. Я подняла зажатую в руке записку.

– Вы написали это? То, о чем там говорится, правда?

Тот же пристальный взгляд. Призрак Мейсона вел себя схожим образом. Вызывать мертвых – это одно; общаться с ними – совсем другое дело.

– Я должна знать. Если есть еще один Драгомир, я найду

его. – Нет смысла привлекать внимание к тому факту, что в своем нынешнем положении я вряд ли могла отыскать кого-то. – Но вы должны ответить мне. Это письмо вы писали? Там все правда?

Ответом мне был лишь сводящий с ума взгляд. Чувство разочарования росло, и под давлением всех этих фантомов заболела голова. По-видимому, Татьяна и мертвая могла кого угодно вывести из себя.

Я совсем уж собралась снова возвести вокруг себя стены и избавиться от призраков, когда Татьяна сделала движение – еле заметно кивнула головой. Ее взгляд переместился на записку в моей руке, и... она исчезла.

Я моментально вернула барьеры на место, собрав всю волю, чтобы оградить себя от мертвых. Лица исчезли, а вот головная боль нет. Рухнув на постель, я смотрела на записку, не видя ее. Ответ получен. Записка настоящая, и ее написала Татьяна. Вряд ли ее призрак стал бы обманывать меня.

Растянувшись на койке, я стала ждать, пока утихнет ужасная пульсирующая боль в голове. Закрыла глаза и снова решила посмотреть, чем занимается Лисса. Со времени моего ареста она неустанно хлопотала, защищая меня, доказывая мою невиновность; неудивительно, что и на сей раз я ожидала чего-то в том же духе. Вместо этого она оказалась... в магазине одежды.

Легкомыслие лучшей подруги чуть не обидело меня – пока я не сообразила, что она подыскивает платье для похорон.

Она находилась в одном из магазинов, обслуживающих королевские семьи. К моему удивлению, ее сопровождал Адриан. Вид его такого знакомого красивого лица слегка умерил мои страхи. Покопавшись в ее мыслях, я выяснила, почему он здесь: она не хотела, чтобы Адриан оставался один.

И я понимала ее. Он был совершенно пьян. Удивительно, что он вообще мог стоять; наверняка только потому, что прислонился к стене. Темно-каштановые волосы в беспорядке — и не в том художественном, какой он обычно создавал сознательно. Темно-зеленые глаза налились кровью. Адриан, как и Лисса, пользователь духа. Он обладает способностью, которой она пока не имела: может проникать в чужие сны. Со времени своего ареста я все время ждала его появления и только теперь поняла, почему он не приходил ко мне. Алкоголь и психическая энергия несовместимы. В каком-то смысле это хорошо. Непомерное использование духа создает тьму, которая постепенно сводит человека с ума. Однако проводить жизнь в состоянии непрерывного опьянения тоже не очень-то полезно для здоровья.

Увидев его глазами Лиссы в таком состоянии, я испытала наплыв эмоций, почти таких же противоречивых, как при встрече с Татьяной. Я переживала за него. Не вызывало сомнений, что он тревожится и расстраивается из-за меня. Ужасные события последней недели ударили по нему так же сильно, как и по всем нам. К тому же он потерял тетю (так он называл Татьяну), которую, несмотря на всю ее бесцере-

монность, любил.

Однако, несмотря на все это, я испытывала к нему... презрение. Возможно, несправедливо, но ничего не могла с собой поделать. Я переживала за него, понимала, что он сильно расстроен, – и все же существуют более достойные способы справиться со своими огорчениями. Он вел себя почти как трус, топил свои проблемы в бутылке; вся моя натура противилась этому. Как бы я вела себя? Ну, я не отступила бы перед проблемами, не сдалась бы без боя.

– Бархат, – уверенно заявила хозяйка магазина, морщинистая моройка, демонстрируя Лиссе пышное платье с длинными рукавами. – Бархат – традиционный материал королевского эскорта.

Пышная церемония похорон включала в себя и сопровождение гроба Татьяны церемониальным эскортом из представителей всех королевских семей. По-видимому, никто не возражал, чтобы эту роль от имени своей семьи выполняла Лисса. Но голосовать? Э, нет, это совсем другое дело.

Лисса разглядывала платье, больше подходящее для Хеллоуина, чем для похорон.

– Оно такое старомодное, – сказала Лисса. – И в нем взмокнешь.

– Традиции требуют жертв, – мелодраматическим тоном заявила женщина. – Как и трагедия.

Адриан открыл рот, явно собираясь отпустить насмешливое, неуместное в данный момент замечание, но Лисса по-

качала головой, и он заткнулся.

– А нет какого-нибудь варианта... без рукавов?

Хозяйка магазина широко распахнула глаза.

– Никто не надевает на королевские похороны платье на бретельках.

– А как насчет шорт? – спросил Адриан. – Сойдет, если они на резинке? Потому что я собираюсь пойти в таком виде.

Женщина, казалось, была в ужасе. Лисса одарила Адриана презрительным взглядом, не столько из-за последнего замечания, поскольку оно ее даже слегка позабавило, сколько из-за того, что он постоянно был пьян.

– Да никто не воспринимает меня как полноправного члена королевской семьи, – сказала Лисса, разглядывая другие платья. – Поэтому нет причин и вести себя так. Покажите мне платья на бретельках и с короткими рукавами.

Хозяйка состроила гримасу, но подчинилась. Давать советы королевским особам – это она могла себе позволить; но не приказывать им, что носить и как поступать. Женщина отправилась в другой конец магазина, чтобы подыскать требуемое, и в этот момент вошли приятель Лиссы и его тетя.

Кристиан Озера – вот с кого Адриану следовало бы брать пример в своем поведении. Сама эта мысль казалась удивительной. Времена определенно изменились – раз теперь я рассматриваю Кристиана как образец для подражания. Тем не менее так оно и есть. Всю последнюю неделю я наблюдала, как он действовал – решительно, непреклонно, делая все,

чтобы поддержать Лиссу после свалившихся на нее несчастий, а именно смерти Татьяны и моего ареста. Судя по теперешнему выражению его лица, у него наверняка были важные новости.

Его открытая, прямая тетя, Таша Озера, являла собой другой вариант того, как сильный человек ведет себя под давлением. Она растила Кристиана после того, как его родители стали стригоями – и напали на нее, на память о чем одну щеку Таши навсегда изуродовал шрам. Для защиты мороям полагаются стражи, но после этого нападения Таша решила взять все в свои руки. Она стала самостоятельно учиться сражаться, врукопашную и с применением оружия. По-настоящему воинственная женщина, Таша постоянно подталкивала и других мороев учиться боевому искусству.

Лисса отвлеклась от разглядывания очередного платья и с видом взволнованного ожидания повернулась к Кристиану. После меня ему она доверяла больше всех на свете. Он стал для нее надежной опорой в эти трудные времена.

Он оглянулся по сторонам, явно не проявляя интереса ко всем этим нарядам.

– Покупаете, значит? – Он перевел взгляд с Лиссы на Адриана. – Предаетесь девичьим радостям?

– Смена гардероба – это всегда приятно, – заметил Адриан. – Кроме того, спору, ты прекрасно смотрелся бы в топе на бретельках.

Не обращая внимания на шуточки парней, Лисса спроси-

ла:

– Вы что-нибудь узнали?

– Они решили не принимать никаких мер, – ответил Кристиан. – В смысле, карательных.

– Да, мы пытаемся проталкивать идею, что он просто подумал, будто Роза в опасности, и кинулся защищать ее, еще не поняв, что на самом деле происходит.

Сердце у меня замерло. Дмитрий. Они говорят о Дмитрие.

На мгновение я покинула Лиссу, покинула даже свою камеру и вернулась в день своего ареста. Я была в кафе, спорила с Дмитрием, ругала его за то, что он по-прежнему отказывается разговаривать со мной, не говоря уж о том, чтобы продолжать наши прежние отношения. Потом я решила, что хватит, между нами и впрямь все кончено, я не допущу, чтобы он и дальше рвал мне сердце на части. И тут в кафе ворвались стражи, чтобы арестовать меня. Вопреки всем утверждениям Дмитрия о том, что, пройдя через состояние стригоя, он утратил способность любить, он тут же ринулся защищать меня. Противники слишком превосходили нас числом, но нам на это было плевать. Выражение его лица – и мое почти сверхъестественное понимание того, что происходит у него в душе, – сказало мне обо всем. Мне угрожают; значит, он должен защитить меня.

Да, он меня защищал. Сражался как бог – словно мы опять были в Академии Святого Владимира и он учил меня,

как биться со стригоями. Вывести из строя столько стражей – на это, наверное, не способен никто другой. И я верю, что он сражался бы до последнего вздоха; пришлось вмешаться, чтобы остановить все это. В тот момент я не понимала, что происходит и почему целый легион стражей прислан арестовывать меня. Но внезапно осознала, что у Дмитрия, с его и без того шатким положением при дворе, могут возникнуть серьезные неприятности. Трансформация стригоя в прежнее состояние – вещь неслыханная, и многие все еще не доверяли ему. Я стала умолять Дмитрия остановиться, считая, что он в большей опасности, чем я. Да, кто бы мог подумать, что на самом деле меня ждет?

Он приходил на слушание – под охраной, – но с тех пор ни Лисса, ни я его не видели. Лисса очень старалась удержать Дмитрия от каких-либо правонарушений, опасаясь, что его снова посадят под замок. А я? Я просто уговаривала себя поменьше думать о том, что он сделал. Мой арест и возможная казнь сейчас выступали на первый план. Тем не менее я по-прежнему задавалась вопросами. Почему он сделал это? Почему ради меня рисковал жизнью? Было ли это чисто инстинктивной реакцией на угрозу? Или он поступил так ради Лиссы, которой поклялся помогать во всем в благодарность за то, что она освободила его? А может, он все еще питает ко мне какие-то чувства?

Ответа я по-прежнему не знала, однако это зрелище – неистовый, победоносный Дмитрий из моего прошлого –

расшевелило чувства, которые я так отчаянно старалась подавить. Уговаривала себя, что это не быстро и не просто – порвать с человеком, с которым тебя связывали глубокие, серьезные отношения. Понадобится время, чтобы чувства окончательно угасли, это естественно. К сожалению, эти доводы работают хуже, когда человек без раздумий кидается защищать тебя, подвергая себя опасности.

Безотносительно ко всему этому, слова Кристиана и Таши породили в душе надежду насчет дальнейшей судьбы Дмитрия. В конце концов, я не единственная, для кого жизнь от смерти отделяет тоненькая грань. Те, кто был убежден, что Дмитрий по-прежнему стригой, хотели бы увидеть, как в его сердце вонзают кол.

– Они снова держат его в заточении, – сказал Кристиан, – но не в тюрьме. Просто в его комнате, с двумя охранниками. Они не хотят, чтобы он разгуливал по двору, пока все не уляжется.

– Это лучше, чем в тюрьме, – заметила Лисса.

– Но по-прежнему абсурдно! – взорвалась Таша.

Они с Дмитрием много лет были добрыми друзьями, и когда-то она даже хотела перевести их отношения на другой уровень. Из этого ничего не вышло, и она удовольствовалась дружбой, но по-прежнему тепло относилась к Дмитрию. Несправедливость в отношении его возмущала ее не меньше, чем нас.

– Они должны были отпустить его, как только он снова

стал дампиром. Сразу после выборов я сделаю все, чтобы его освободили.

– И вот что странно... – Кристиан задумчиво прищурил бледно-голубые глаза. – Мы слышали, что Татьяна говорила перед... перед тем, как...

Он замолчал, с видом неловкости глядя на Адриана, – не похоже на Кристиана, который обычно выпаливает все, что у него на уме.

– Перед тем, как ее убили, – не глядя ни на кого, закончил за него Адриан. – Продолжай.

– Ну... да... Вроде бы она заявляла – не публично, – будто верит, что Дмитрий действительно снова стал дампиром. И планировала помочь ему получить всеобщее признание, как только другая проблема будет улажена.

Под «другой проблемой» Кристиан имел в виду возраст-ной закон, о котором упоминалось в записке Татьяны. Согласно ему, вампиры в шестнадцать лет должны заканчивать обучение и становиться защитниками мороев. Этот закон до крайности возмущал меня, но, как и многое другое сейчас... в общем, он мог подождать.

Адриан издал странный горловой звук.

– Не говорила она этого.

Кристиан пожал плечами:

– Так утверждают ее советники.

– Мне тоже трудно поверить в это, – сказала Таша Адриану.

Она никогда не одобряла политику Татьяны и яростно выступала против нее, пользуясь любым удобным случаем. Неверие Адриана, однако, никакого отношения к политике не имело. Оно основывалось на том, что все ее поведение свидетельствовало об обратном и не позволяло заподозрить ее в желании помочь Дмитрию.

Адриан не стал развивать свою мысль, но я знала – эта тема разжигает в его душе искры ревности. Я говорила ему, что Дмитрий остался в прошлом, что я готова идти дальше, но Адриана – как и меня – несомненно, мучил вопрос, какова истинная мотивация того, что Дмитрий так рыцарственно выступил в мою защиту.

Лисса начала рассуждать, как им добиться, чтобы Дмитрия выпустили на свободу, но тут вернулась хозяйка магазина с целым ворохом платьев, которые она явно не одобряла. Прикусив губу, Лисса смолкла, решив, что ситуацией с Дмитрием можно озаботиться позже. Сейчас от нее требовалось выбрать платье, играя при этом роль славной девочки из королевской семьи.

Адриан оживился при виде платьев.

– А топиков на бретельках тут нет?

Я вернулась в свою камеру, размышляя над проблемами, которые, похоже, продолжали громоздиться все выше и выше. Тревога за Адриана и Дмитрия. Тревога за себя. Тревога из-за этого так называемого потерянного Драгомира. Похоже, история правдива, но меня огорчало то, что я не мо-

гу заняться ею, а ведь речь идет о помощи Лиссе. В письме сказано, что не стоит распространяться об этом деле, а ведь, похоже, у меня нет другого выхода, как перепоручить его кому-то другому. Я хотела бы сама разобраться во всем, но решетка и давящие стены вокруг напомнили мне, что пока я не способна разобраться ни с чем, даже, возможно, с собственной жизнью.

Две недели.

Испытывая потребность отвлечься, я сдалась и начала читать книгу Эйба. Да, это была та самая история о человеке, которого несправедливо заточили в тюрьму, как я и ожидала. По-настоящему хорошая книга; из нее я извлекла урок, что в моем случае фальсифицированная смерть как способ бегства не годится. Неожиданно книга пробудила во мне старые воспоминания. Озноб пробежал по спине, когда в сознании ожило гадание на картах Таро. Моройка по имени Ронда, тетя Эмброуза, выложила для меня карты, и на одной была изображена женщина и рядом множество мечей. «Ловушка». «Несправедливое лишение свободы». «Клевета». Проклятье! Я начинала прямо ненавидеть эти карты. Всегда твердила, что гадание – сплошной обман, но вот надо же! Чем дальше, тем больше оно сбывается. Тогда в конце расклада мне выпало путешествие, но куда? В настоящую тюрьму? На казнь?

Вопросы, остающиеся без ответа, – таков теперь мой мир. Поскольку другого выбора у меня не было, я решила немного

отдохнуть. Растянулась на койке и попыталась выкинуть из головы одолевающие меня тревоги. Не так-то просто. Стоило закрыть глаза, и перед моим внутренним взором возникал судья, ударом молотка обрекающий меня на смерть. Или мое имя в исторических книгах, но в разделе не героев, а предателей.

Страх скрутил меня, и тут я подумала о Дмитриии. Представила себе его спокойный взгляд и почти услышала, как он наставляет меня: «Не волнуйся из-за того, что ты не в силах изменить. Отдыхай, если есть возможность, чтобы быть готовой к сражениям завтрашнего дня». И этот воображаемый совет помог мне успокоиться. Наконец-то пришел сон, крепкий и глубокий. Всю прошедшую неделю я беспокойно ворочалась и только сейчас смогла отдохнуть по-настоящему.

А потом я... проснулась.

Села на постели, с бешено колотящимся сердцем. Оглянулась по сторонам в поисках чего-то, так сильно напугавшего меня, что вырвало из сна. Ничего. Темнота. Тишина. Слабое поскрипывание кресла в конце коридора – значит, охранники на месте.

Связь, поняла я. Меня разбудила связь. Я почувствовала резкую, сильную вспышку... чего? Энергии. Тревоги. Выброс адреналина. Меня охватила паника, и я нырнула в сознание Лиссы, пытаюсь выяснить, чем вызван такой всплеск ее эмоций.

Но не обнаружила ничего.

Связь исчезла.

Три

Ну, не то чтобы совсем исчезла.

Была приглушена. Такое же примерно ощущалось сразу после того, как Лисса вернула Дмитрия в состояние дампира. В этом процессе было задействовано столько магии, что она «выжгла» нашу связь. Сейчас никакой вспышки магии не было. Складывалось впечатление, будто Лисса намеренно заглушила связь или возвела вокруг своего сознания стену. Как и всегда, я по-прежнему ощущала ее; она жива; с ней все в порядке. Почему в таком случае ничего больше касательно ее я не чувствовала? Она не спала; по ту сторону стены ощущалось бодрствующее сознание. И активно работающая стихия духа, с помощью которой она отгородилась от меня... И она сама сделала это.

Какого черта? Мы обе знали, что наша связь работает лишь в одну сторону: я могла чувствовать Лиссу, а она меня – нет. И только от меня зависело, когда именно проникнуть в ее сознание. Часто я старалась удерживать себя от этого (в частности, здесь, в тюрьме), просто не желая нарушать ее право на личную жизнь. Лисса не могла контролировать этот процесс, то есть была с этой точки зрения уязвима, что временами ужасно ее бесило. Иногда она, используя свою силу, заслонялась от меня, но это случалось редко, поскольку требовало значительных усилий с ее стороны. Сегодня она

успешно справилась с задачей; более того, заслон сохранялся, она не подпускала меня к себе, и я чувствовала, какого напряжения это ей стоило. Ну, в общем-то, мне было все равно, как она это делала. Я хотела знать зачем.

Наверное, это был мой самый тяжелый день в тюрьме. Страх за себя – это одно. Но страх за нее? Это было гораздо более мучительно. Если бы вопрос стоял так: моя жизнь или ее, – я бы без колебаний пошла на казнь. Я должна знать, что происходит. Может, она что-то выяснила? Может, Совет решил казнить меня, минуя судебное разбирательство? И Лисса пытается защитить меня от этих новостей? Чем больше силы духа она использует, тем большей опасности подвергает свою жизнь. Эта мысленная стена требует огромного количества магии. Но зачем? Зачем она идет на такой риск?

Я была поражена, только сейчас осознав, в какой степени полагалась на нашу связь, чтобы следить за ней. Правда, мне не всегда нравилось, когда в голове неожиданно возникали чужие мысли. Несмотря на то что я научилась это контролировать, ее сознание иногда выплескивалось в мое, причем случалось, что в самые неподходящие моменты. Однако сейчас волновали меня отнюдь не эти мелочи, я переживала, что не могу обеспечивать ее безопасность. Быть вот так отсеченной от нее – это ощущалось, как если бы физически от меня отрезали часть.

Весь день я пыталась проникнуть в ее сознание, но тщетно. Это сводило с ума. Посетителей тоже не было, книга и

журналы напрасно зывали ко мне. Ощущение зверя в клетке вернулось ко мне, я часто и яростно кричала на своих охранников, тоже без всякого результата. Похороны Татьяны должны состояться завтра, часы обратного отсчета времени до моего суда неумолимо тикали.

Наступила ночь, и стена, блокирующая нашу связь, наконец-то упала – просто потому, что Лисса уснула. Однако это ничего мне не дало – ее разум бездействовал. Что было делать? Я тоже легла, задаваясь вопросом, сохранится ли связь утром.

Она не исчезла. Мы снова были связаны, и я могла, как и прежде, смотреть на мир ее глазами. Лисса поднялась рано и начала готовиться к похоронам. Я не обнаружила никакого объяснения тому, почему она заблокировала меня вчера. Теперь она сновапустила меня в свое сознание, и все было как обычно. Мелькнула даже мысль – может, я просто вообразила, что была отрезана от нее?

Нет... Что-то такое особенное было. Чуть-чуть. Некоторые свои мысли она по-прежнему скрывала от меня. Каждый раз, когда я пыталась уловить их, они ускользали. Поражало, что она продолжала использовать магию, чтобы добиваться этого; одновременно лишний раз становилось ясно, что вчера она заблокировала меня намеренно. Что происходит? Зачем, ради всего святого, ей понадобилось что-то от меня скрывать? На что я могу повлиять, сидя взаперти в этой

дыре? Мое беспокойство возрастало. О чем таком ужасном мне не следовало знать?

Я смотрела, как Лисса готовится к выходу, не замечая ни малейшего признака чего-то необычного. В конце концов она остановилась на платье до колен, с короткими цельнокроеными рукавами. Черном, конечно. Отнюдь не платье для вечеринки, но она справедливо полагала, что многие при виде его вскинут брови. В других обстоятельствах оно очаровало бы меня. Светлые волосы она свободно распустила и полюбовалась в зеркало тем, как ярко они выделялись на черном фоне.

Кристиан встретил Лиссу во дворе. Он тоже выглядел соответственно, что было нехарактерно для него; даже отказался от куртки, надел белую рубашку под черный костюм и повязал галстук. Держался он с какой-то таинственностью, но при этом еще и явно нервничал. Правда, при виде Лиссы его лицо просияло; он буквально с благоговением смотрел на нее. Потом улыбнулся, быстро обнял. От его прикосновения она успокоилась и приободрилась. Их отношения недавно возобновились после разрыва, мучительного для обоих.

– Все будет хорошо, – пробормотал он, снова с выражением беспокойства на лице. – Все получится. Мы справимся.

Не отвечая, она на миг крепче прижалась к нему и отступила. Ни один из них не произнес ни слова, пока они шли туда, где начиналась похоронная процессия. Мне это показалось подозрительным. Она взяла его под руку; это как будто

прибавляло ей сил.

Церемония похорон морейских монархов не менялась на протяжении столетий, где бы ни находился двор – в Румынии или в своем новом доме, в Пенсильвании. Таков общий подход мороев – традиционное у них перемешано с современным, магия с достижениями техники.

Гроб королевы должны были вынести из дворца и торжественно пронести через все земельные угодья двора, к внушительному кафедральному собору. Там состоится месса, на которой будут присутствовать лишь избранные. По ее окончании Татьяну похоронят на церковном кладбище, рядом с другими монархами и членами королевских семей.

Следить за продвижением гроба не составляло труда. На всех его углах возвышались столбики с красно-черными шелковыми флагами. Земля на пути процессии была усыпана лепестками роз. По обеим сторонам толпились люди, надеясь в последний раз увидеть бывшую королеву. Многие морои приехали издалека: одни ради похорон, другие ради выборов нового монарха.

Королевский эскорт – в основном в черном бархате, так одобряемом хозяйкой магазина одежды, – уже потянулся в здание дворца. У Кристиана не было ни малейшего шанса представлять свою семью во время такого выдающегося события, и Лисса ненадолго задержалась с ним. Потом крепко обняла его и легко поцеловала. Когда они расходились, его голубые глаза понимающе вспыхнули – он знал тайну, кото-

рую скрывали от меня.

Лисса проталкивалась сквозь толпу к началу процессии. Здание не походило на дворцы или замки старой Европы. Величественный каменный фасад и большие вытянутые окна напоминали другие строения двора, но были и некоторые отличительные особенности – высота, широкие мраморные ступени. Кто-то потянул Лиссу за руку, и она едва не столкнулась с каким-то старым мороем.

– Василиса?

Даниэлла Ивашкова, мать Адриана. Она была лучше других королевских мороев и даже одобряла наши отношения с Адрианом – по крайней мере, так было до того, как меня обвинили в убийстве. В основном ее терпимость объяснялась уверенностью в том, что наши с Адрианом пути разойдутся, как только я начну выполнять свои обязанности стража. Даниэлла убедила своего кузена, Дамона Таруса, быть моим адвокатом, но я предпочла, чтобы мои интересы представлял Эйб. До сих пор не уверена, правильно ли я поступила тогда; несомненно только, что это уронило меня в глазах Даниэллы.

Лисса нервно улыбнулась ей – она торопилась занять свое место в процессии.

– Здравствуйте.

Даниэлла была в черном бархате, в темных волосах сверкали мелкие бриллианты. Симпатичное лицо искажалось волнением и беспокойством.

– Ты видела Адриана? Я нигде не могу найти его.

– Ох!

Лисса отвела взгляд.

– Что? – Даниэлла только что не трясла ее. – Что тебе известно?

Лисса вздохнула.

– Я не знаю, где он, но этой ночью видела, как он возвращался с вечеринки. – Лисса заколебалась, как будто ей было неловко говорить остальное. – Он был... по-настоящему пьян. Я никогда его таким не видела. Он шел с какими-то девушками и... Не знаю... Мне очень жаль, леди Ивашкова. Он, скорее всего... ну, отключился где-то.

Даниэлла ломала руки, и мне было понятно ее волнение.

– Надеюсь, никто не заметит его отсутствия. Может, стоит говорить... ну, что он сильно горюет. Столько народу, столько всего происходит. Конечно, никто не заметит. Но ты ведь скажешь, если тебя спросят? Скажешь, как сильно он огорчен?

Мне нравилась Даниэлла, но эта королевская одержимость поддержанием имиджа начинала меня раздражать. Конечно, она любит сына, но сейчас переживала не столько из-за смерти Татьяны, сколько по поводу того, что люди подумают о нарушении протокола.

– Конечно, – ответила Лисса. – Я не хочу, чтобы любой... Ну, чтобы все вышло наружу.

– Спасибо. А теперь иди. – Даниэлла, все еще не справившаяся с волнением, сделала жест в сторону входа. – Тебе

нужно занять свое место. – Потом, к удивлению Лиссы, она мягко похлопала ее по плечу. – И не нервничай. Ты прекрасно справишься. Просто держи голову выше.

Стражи у входа узнали Лиссу и пропустили ее. Гроб Татьяны стоял в вестибюле. Лисса потрясенно замерла и даже как будто забыла, что здесь делает.

Сам гроб представлял собой произведение искусства – из черного дерева, отполированный до блеска. На каждой стороне искусно нарисована какая-нибудь садовая сцена, в ярких металлических цветах всех оттенков. Повсюду золото, включая ручки для переноса гроба. Ручки также были увиты розами. Казалось, шипы и листья должны помешать переносчикам гроба, впрочем, это была уже их проблема.

В гробу на ложе опять же из роз лежала сама Татьяна. Странное ощущение. Я видела немало мертвых тел. Черт возьми, некоторые были мертвы по моей вине. Но видеть хорошо сохранившееся тело, лежащее так мирно, в таком богатом обрамлении... от этого мурашки побежали по телу. Лиссу это тоже поразило, в особенности поскольку она значительно реже меня сталкивалась со смертью.

На Татьяне было блестящее шелковое платье глубокого темно-фиолетового цвета, традиционного для королевских похорон, с длинными рукавами, расшитыми искусными узорами из маленьких жемчужин. Я часто видела Татьяну в красном – цвет семьи Ивашковых – и порадовалась, что ее одели в традиционном духе. Красное платье слишком напо-

минало бы ее жуткие фотографии, продемонстрированные во время слушания; картины, которые я всячески пыталась выкинуть из головы. Шею Татьяны украшали нити драгоценных камней, на седых волосах покоилась корона с алмазами и аметистами. Кто-то хорошо поработал над ее лицом, но белизну кожи скрыть не удалось. Морщи от природы бледны, а после смерти становятся белы как мел – наподобие стригоев. Открывшееся глазам Лиссы зрелище так сильно подействовало на нее, что она слегка покачнулась и вынуждена была отвести взгляд. В воздухе плыл густой аромат роз, к которому примешивался еле ощутимый оттенок гниения.

Координатор похорон заметила Лиссу и указала ей, куда встать, – но сначала укорила за то, как она одета. Резкие слова вернули Лиссу к реальности, и она поспешила встать в ряд справа от гроба, вместе с пятью другими королевскими морями. Она избегала смотреть на тело королевы. Вскоре появились носильщики, подняли гроб на плечи и медленно понесли наружу, туда, где ждала толпа. Все они были дампирами, в официальной форме, что поначалу смутило меня, пока я не осознала, что они входили в отряд стражей при дворе. За исключением одного – Эмброуза. Он выглядел великолепно, как всегда, и смотрел прямо перед собой с бесстрастным лицом.

Интересно, он оплакивает Татьяну? Собственные проблемы так сильно занимали меня, что я почти забыла – что ни говори, погиб человек, которого многие любили. Когда

я возмущалась Татьяной из-за принятого ею возрастного закона, Эмброуз защищал ее. Глядя на него глазами Лиссы, я жалела, что не могу поговорить с ним лично. Ему наверняка известно больше о письме, которое он сунул мне в руку в зале суда. Конечно, он не был просто курьером.

Процессия продолжила путь, и я выкинула из головы мысли об Эмброузе. Перед гробом, согласно церемонии, шли другие люди. Королевские морои в изысканных одеяниях, стражи в форме, несущие знамена, а в самом конце музыканты с флейтами, играющие траурную мелодию. Что касается Лиссы, она всегда умела держаться на публике и сейчас шагала медленно, величественно, с изяществом и грацией в движениях, уверенно глядя перед собой. Со стороны видеть ее, конечно, я не могла, но не составляло труда представить, как ее воспринимают зрители. Прекрасная, царственная, достойно представляющая Драгомиров и все больше осознающая это. Все было бы гораздо проще, если бы закон о голосовании изменили с помощью стандартной процедуры, избавив нас от необходимости заниматься поисками потерянного ребенка Драгомиров.

Похоронная процессия двигалась медленно и долго. Хотя солнце уже клонилось к горизонту, дневная жара все еще висела в воздухе. Лисса вспотела; а каково пришлось тем, кто нес гроб? Зрители тоже, наверное, страдали от жары, но не показывали виду – вытягивали шеи, чтобы увидеть пышное зрелище. Лисса уделяла им мало внимания, но иногда

их лица попадали в поле ее зрения, и становилось ясно, что собравшихся интересует не только сам гроб. Они смотрели и на Лиссу. Слухи о том, что она сделала для Дмитрия, быстро распространились по всему моройскому миру, и хотя многие скептически относились к ее способности исцелять, было немало и тех, кто верил. На лицах людей в толпе читалось удивление и благоговение, и я невольно задавалась вопросом: на кого они на самом деле пришли посмотреть, на Татьяну или на Лиссу?

В конце концов показался кафедральный собор, и это обрадовало Лиссу. Солнце не убивает мороев – в отличие от стригоев, – но для любого вампира жара и солнечный свет неприятны. Она относилась к тем, кому было позволено присутствовать во время церковной службы, а внутри собора, она знала, работают кондиционеры.

Разглядывая окрестности, я не могла удержаться от мысли, какая ирония кроется в цикличности моей жизни. По сторонам обширных церковных угодий возвышались две гигантские статуи легендарных моройских монархов древности – короля и королевы, внесших большой вклад в преуспевание их народа. Сад рядом с королевой был очень хорошо знаком мне – в качестве наказания за бегство в Лас-Вегас мне пришлось обустроить его. Истинной целью этой поездки – о чем никто не подозревал – было освобождение из тюрьмы Виктора Дашкова. Виктор был нашим давним врагом, но его сводный брат Роберт, тоже пользователь духа, об-

ладал знаниями, которые, как мы надеялись, помогут спасти Дмитрия. Если бы стражи знали, что это я освободила Виктора – а потом упустила его, – мое наказание было бы гораздо серьезнее, чем работа в архиве и в саду. По крайней мере, с садом у меня получилось неплохо, мелькнула горькая мысль. Если меня казнят, память о том, что я жила на земле, надолго сохранится при дворе.

Взгляд Лиссы задержался на одной из статуй. Сейчас Лисса сильно потела, и до меня дошло, что дело тут не только в жаре. Ее терзало беспокойство. Но почему? Почему она так нервничает? Это же просто церемония. Все, что от Лиссы требуется, – это пройти через завершающие этапы. И однако... что-то еще не давало ей покоя. Некоторые свои мысли ей по-прежнему удавалось утаить от меня, но кое-что ускользало.

«Слишком близко, слишком близко. Мы движемся чересчур быстро».

Быстро? Я так не думала. На мой взгляд, эта медленная, размеренная поступь просто изматывала. В особенности я сочувствовала носильщикам гроба. Будь я среди них, послала бы к черту правила приличия и припустила рысцой, хотя, конечно, тело при этом подпрыгивало бы в гробу. Если уж координатор похорон выказала недовольство тем, как одета Лисса, легко представить себе ее реакцию, если бы тело Татьяны вывалилось из гроба.

Мы приближались к собору, его купола сияли желтым и

оранжевым в лучах заходящего солнца. Уже был хорошо виден стоящий перед входом священник. Его расшитые золотом тяжелые парчовые одеяния просто ослепляли. Крест на округлой шапке тоже был золотым. Мелькнула мысль, что с его стороны это проявление дурного вкуса – по яркости и пышности одежды затмить королеву, но, может, так у них положено в официальных случаях. Возможно, это способ привлечь внимание бога. Он приветственным жестом вскинул руки, отчего расправилась и стала лучше видна богато расшитая ткань. Ни зрители в толпе, ни я просто глаз не могли оторвать от этого зрелища.

Поэтому можете представить себе наше изумление, когда статуи взорвались.

Четыре

Говоря «взорвались», я именно это и имею в виду: они взорвались.

Бедные монархи каменными обломками разлетелись во все стороны, а на их месте, как лепестки только что распустившихся цветов, возникли огонь и дым. На мгновение я ошеломленно замерла – это было прямо как в боевике, с грохотом взрывов и сотрясением земли. Потом сработала выучка стража – включились критический обзор и оценка происходящего. Я мгновенно обратила внимание на то, что основная часть статуй упала за пределами сада; мелкие камни и пыль дождем сыпались на участников похоронной процессии, но на Лиссу и стоящих с ней рядом не упал ни один крупный обломок. Поскольку статуи вряд ли взорвались самопроизвольно, тот, кто сделал это, рассчитал все очень точно.

Правда, огромные вздымающиеся в небо столбы пламени выглядели устрашающе. Все бросились прочь не разбирая дороги, сталкиваясь друг с другом; началась паника. Даже носильщики гроба положили свою драгоценную ношу на землю и сорвались с места. Эмброуз немного замешкался, широко распахнутыми глазами глядя на Татьяну, но потом, взглянув на обломки статуй и огонь, тоже ринулся с толпой. Стражи пытались навести порядок, вернуть людей к пре-

рванной процедуре похорон, но практически без толку. Все были не в себе и не могли рассуждать разумно, охваченные ужасом.

Все, кроме Лиссы.

К моему изумлению, она удивлена не была.

Взрывы не стали для нее неожиданностью.

Она не побежала, хотя люди со всех сторон пронеслись мимо, толкая ее. Стояла на том же месте, где была, когда статуи взорвались, изучающим взглядом разглядывая их и причиненные им повреждения. В особенности, казалось, ее волновало, не ранен ли кто-нибудь в толпе. Но нет. Как я уже говорила, пострадавших не наблюдалось, а если они и были, то лишь из-за давки.

Наконец с удовлетворенным видом Лисса повернулась и пошла вслед за остальными (именно пошла, не побежала). Отойдя совсем недалеко, она увидела шеренгу стражей, с мрачными лицами бегущих в направлении собора. Некоторые останавливались, указывая людям, куда лучше бежать, но основная масса целеустремленно и быстро двигалась к месту взрыва с намерением выяснить, что произошло.

Лисса снова остановилась, и бегущий позади парень врезался в нее, но она, казалось, не почувствовала толчка. Продолжала пристально разглядывать стражей, стараясь оценить, сколько их, и только после этого пошла дальше. Ее потаенные мысли понемногу прорывались наружу, и в конце концов для меня начали проясняться отдельные элемен-

ты плана, который она скрывала. Она была довольна. Конечно, одновременно и нервничала. Но перекрывало все ощущение...

Суматоха в тюрьме вынудила меня вернуться к себе. Привычную тишину сейчас нарушали бормотание и громкие возгласы. Я вскочила с койки и прижалась к прутьям решетки, стараясь разглядеть, что происходит. Может, это здание тоже вот-вот взорвется? Из моей камеры можно было увидеть только стену напротив, но не весь коридор и не вход. Я, однако, заметила, как стражи, обычно стоящие в дальнем конце коридора, промчались мимо меня туда, откуда доносились звуки перебранки.

Не зная, что все это означает для меня, я собралась, стараясь подготовиться к встрече с кем угодно, с другом или с врагом. Возможно, существовала какая-то экстремистская политическая группа, которая и организовала нападение на двор, выступая против морейского правительства. Оглядываясь по сторонам, я выругалась про себя, не обнаружив ничего, что можно было использовать для защиты. Разве что книга Эйба, но какой с нее толк? Будь он и впрямь таким крутым, каким старался казаться, мог бы действительно спрятать в ней напильник. Или принести что-нибудь потяжелее, вроде «Войны и мира».

Потасовка закончилась, по коридору загремели шаги. Сжав кулаки, я отступила на несколько шагов назад и приготовилась обороняться от кого угодно.

«Кто угодно» оказался Эдди Кастилем. И Майклом Теннером.

Дружеские лица – нет, этого я не ожидала. Эдди, мой старый друг еще со времен Академии, тоже новоиспеченный страж, участвовал во многих моих авантюрах, включая организацию побега Виктора Дашкова. Майкл был старше нас, где-то под тридцать, и помогал нам вернуть в прежнее состояние Дмитрия в надежде, что Соню Карп – женщину, которую он любил и которая стала стригоем, – тоже можно будет спасти. Я перевела взгляд с одного на другого.

– Что происходит?

– Я тоже рад тебя видеть, – откликнулся Эдди.

Он вспотел, все еще был в пылу боя, на лице проступили несколько явно только что полученных синяков. В руке он сжимал оружие из арсенала стражей: что-то вроде полицейской дубинки, способной вывести противника из строя, не убивая его. А вот Майкл держал нечто гораздо более ценное: карточку-ключ и металлический ключ от моей камеры.

Мои друзья организовали побег из тюрьмы. Невероятно! Безумные затеи обычно моя прерогатива.

– Ребята, вы... – начала я с хмурым видом. Мысль о бегстве наполняла меня радостью, но как это было сделано, вот что важно. Очевидно, они сражались с моими охранниками. Пробриться сюда было нелегко. – Вы что, вдвоем уложили всех стражей в этом здании?

Майкл отпер дверь, и я тут же бросилась вон из камеры.

После того как столько дней я задыхалась, чувствуя давление стен и потолка, вырваться оттуда... это было все равно что оказаться на горном обрыве, где вокруг только ветер и бескрайнее пространство.

– Роза, в этом здании нет стражей. Ну, может, один остался. И вон те.

Эдди сделал жест в том направлении, где недавно была свалка и где теперь в отключке лежали охранники. Конечно, мои друзья никого не убили.

– Все остальные на месте взрыва, – сообразила я. Отдельные фрагменты головоломки начали складываться вместе – включая и то, что взрыв не удивил Лиссу. – Ох, нет! Только не говорите, что это Кристиан взорвал древние моройские памятники!

– Конечно нет, – ответил Эдди; мое предположение, казалось, удивило его. – Если бы он это сделал, другие пользователи огня почувствовали бы это и указали на него.

– Ну, уже хорошо.

Следовало больше верить в их здравомыслие.

А может, и нет.

– Мы использовали си-четыре, – объяснил Майкл.

– Где, во имя всего святого, вы...

Я смолкла, увидев, кто стоит в конце коридора. Дмитрий.

Меня очень огорчало, что, сидя в тюрьме, я не могла узнать, как у него дела. Рассказ Таши и Кристиана лишь раздражил меня. Что ж, вот и ответ. Дмитрий, во всей своей

шестифутовой-семидюймовой славе, стоял у входа в коридор, величественный и устрашающий, как и положено любому богу. Проницательный взгляд карих глаз мгновенно оценивал все, стройное тело было напряжено и готово отразить любое нападение. Сосредоточенное выражение лица выдавало такое сильное душевное волнение, что просто не верилось, как это кто-то мог все еще считать его стригоем. Дмитрий просто излучал жизнь, энергию и очень походил на себя самого, каким он был, встав на мою защиту во время ареста. Более того, это был тот же Дмитрий, которого я знала прежде. Тот Дмитрий, который вызывал у людей восхищение и страх. Тот Дмитрий, которого я любила.

– Ты тоже здесь? – Я попыталась напомнить себе, что моя запутанная любовная история не самое важное в мире. – Разве ты не под домашним арестом?

– Он сбежал, – лукаво ответил Эдди. Я уловила истинный смысл его слов: он и Майкл помогли Дмитрию в этом. – Чего еще ждать от горячего парня, который, скорее всего, все еще стригой?

– Ну и еще можно ожидать, что он бросится тебя вызволять, – подыгрывая ему, добавил Майкл. – В особенности учитывая, как он на прошлой неделе сражался за тебя. Уверен, никто не усомнится, что он освободил тебя собственными силами. Без нас.

Дмитрий молчал. Его глаза, продолжая пристально следить за обстановкой, оценивали и меня. Когда он убедился,

что я не пострадала, на его лице мелькнуло облегчение.

– Пошли, – наконец произнес он. – У нас мало времени.

Это было еще мягко сказано, но я заметила в «блестящем» плане своих друзей одну брешь.

– Они не могут решить, будто он сделал это в одиночку! – воскликнула я, поняв наконец, на что намекал Майкл. Они рассчитывали представить дело так, будто Дмитрий был виновником моего бегства. Я сделала жест в сторону лежащих без сознания стражей. – Они видели ваши лица.

– А вот и нет, – произнес новый голос. – У них небольшая, вызванная воздействием духа амнезия. Очнувшись, они будут помнить лишь этого неуравновешенного русского парня. Надеюсь, без обид.

– Никаких обид, – ответил Дмитрий.

К нам приближался Адриан. Я смотрела, раскрыв рот. Вот они рядом – двое мужчин моей жизни. Адриан не производил впечатления человека, способного драться врукопашную, но выглядел таким же настороженным и серьезным, как остальные. Красивые, ясные глаза его зачаровывали – я знала, они могут быть такими, если он очень постарается. И тут до меня дошло: никаких признаков алкогольного опьянения. Выходит, то, что я видела недавно, было притворством? Или он сумел взять себя в руки? Я почувствовала, как мои губы расползаются в улыбке.

– Лисса солгала твоей маме, – сообщила я, – предположив, что ты валяешься где-то вдрызг пьяный.

Он одарил меня одной из своих циничных улыбок.

– Наверное, это было бы и умнее, и приятнее. И надеюсь, все считают, что я именно в таком состоянии и пребываю.

– Нужно уходить! – встревоженно сказал Дмитрий.

Все повернулись к нему. Улыбки угасли. Дмитрий обладал одной особенностью – было в нем что-то, заставляющее людей верить, будто он может все и приведет их к победе. Судя по выражению лиц Майкла и Эдди, они именно так его и воспринимали. Мне это тоже казалось естественным. Даже Адриан, похоже, верил в Дмитрия, и в этот момент я восхищалась тем, что он сумел забыть о ревности – и даже рискнул своей жизнью. А ведь он не раз говорил, что не хочет принимать участия ни в каких опасных авантюрах и тайно использовать магию духа. В Лас-Вегасе, к примеру, он просто сопровождал нас в роли наблюдателя. Конечно, большую часть времени он был пьян, но, по-моему, это мало что меняло.

Я сделала несколько шагов вперед, но Адриан внезапно остановил меня, вскинув руку:

– Постой! Прежде чем пойти с нами, ты должна кое-что понять.

Дмитрий начал было протестовать, в глазах его вспыхнуло нетерпение.

– Она должна, – настаивал Адриан, бесстрашно глядя в глаза Дмитрия. – Роза, сбежав, ты практически подтвердишь свою вину. Станешь беглянкой. Если стражи найдут тебя, то убьют без всякого суда и следствия.

Все взгляды были прикованы ко мне, а я старалась осмыслить слова Адриана. Если я сбегу и буду схвачена, мне уж точно конец. Если останусь здесь, сохранится крошечный шанс, что за недолгое время, оставшееся до суда, мы сумеем найти спасительные улики. Однако если ничего нового не всплывет, мне также наверняка конец. Куда ни кинь, всюду клин. В обоих случаях вероятность погибнуть очень велика.

Меня раздирали противоречивые чувства – как, видимо, и Адриана. Мы оба понимали, что безусловно хорошего варианта попросту нет. Он волновался за меня и хотел, чтобы я понимала, чем рискую. Дмитрий, однако... С его точки зрения, обсуждать тут нечего; это ясно было написано на его лице. А ведь он всегда настаивал на соблюдении правил. Однако в этом случае? При таком скверном раскладе? Лучше рискнуть стать беглянкой, но живой, и лучше встретить смерть в бою, если уж до этого дойдет.

«Никогда не думала, что моя смерть будет заранее обозначена в календаре».

– Пошли, – сказала я.

Мы торопливо покинули здание.

– Тебе пришлось притянуть слишком много духа, чтобы навести иллюзию на всех этих стражей, – заметила я Адриану.

– Да уж. И у меня на самом деле на многое не хватило сил. Лисса наверняка сумела бы внушить десятку стражей, что они видели призраков. А я? Мне едва удалось заставить

нескольких людей забыть о Майкле и Эдди. Поэтому и потребовался человек, которого они запомнили бы, – для отвлечения внимания. Дмитрий – идеальный козел отпущения.

– Ну, спасибо тебе.

Я слегка сжала руку Адриана, и это прикосновение наполнило меня теплом. Я не стала говорить ему, что мне пока далеко до того, чтобы стать свободной; не хотелось принижать его героизм. Впереди еще масса препятствий, но я очень ценила то, что он принял участие в моем вызволении, а потом поддержал меня в решении сбежать.

Адриан искоса взглянул на меня.

– Наверное, я просто свихнулся. – Его глаза светились любовью. – Знаешь, мне кажется, ради тебя я пошел бы на что угодно. И чем глупее это было бы, тем лучше.

Мы добрались до первого этажа, и я убедилась, что Эдди не ошибался насчет охраны. Все коридоры и помещения были пусты. Не задерживаясь, мы вышли наружу, и свежий воздух прибавил мне сил.

– Что теперь? – спросила я.

– Теперь мы отведем тебя к машине, – ответил Эдди.

Гаражи были не очень далеко, но и не совсем рядом.

– Снаружи сейчас много народу, – заметила я.

– Я прибегаю к магии духа, чтобы в памяти тех, кто нам встретится, остались лишь смутные, не поддающиеся описанию образы, – сказал Адриан. Еще одно испытание его ма-

гии. Вряд ли он мог сделать больше. – Люди не будут узнавать нас, если не остановятся и не посмотрят в упор.

– А это вряд ли произойдет, – добавил Майкл. – Вряд ли на нас вообще обратят внимание. Сейчас, в этом хаосе, все слишком озабочены самими собой.

Оглянувшись по сторонам, я поняла, что он прав. Здание тюрьмы находилось далеко от собора, но к этому времени люди уже разбежались по всей территории двора. Одни तोпились укрыться в своих домах, другие искали стражей, рассчитывая на защиту. А некоторые... некоторые двигались в том же направлении, что и мы, – к гаражам.

– Люди в таком ужасе, что хотят покинуть двор, – сказала я. Мы шли очень быстро, если кто нас слегка и задерживал, это Адриан – он был далеко не в такой форме, как вампиры. – В гаражах может оказаться много народу.

Машины, официально приписанные ко двору, как и те, которые принадлежали гостям, были припаркованы в одном месте.

– Это даже лучше для нас, – сказал Майкл. – Больше неразберихи.

В этот момент я была так сосредоточена на реальности, что глубоко исследовать сознание Лиссы не получалось. Лишь слегка прикоснувшись к нему, я поняла, что она в безопасности, во дворце.

– Какую роль Лисса сыграла во всем этом? – спросила я. Поверьте, я была счастлива, что Лисса не имела отноше-

ния ко всему этому безумию с ужасными взрывами. Но, как верно заметил Адриан, она значительно превосходила его способностями во владении стихией духа. И теперь, оглядываясь назад, я понимала – она знала о плане моего спасения. Именно этот секрет она и скрывала от меня.

– Лисса должна быть вне подозрений и не иметь никакого отношения ни к твоему бегству, ни к взрывам, – жестко ответил Дмитрий, по-прежнему рассматривающий ее как свою спасительницу. – Она все время должна оставаться на виду. Как и Кристиан. – Он почти улыбнулся. Почти. – Если бы что-то взорвалось, первыми я заподозрил бы этих двоих.

– Однако, поняв, что причина взрыва не магическая, стражи исключат их из числа подозреваемых, – рассудила я и вдруг кое-что вспомнила. – Эй, а где это вы раздобыли си-четыре? Военные взрывчатые вещества такого класса – это уж чересчур, даже для вас.

Никто не успел ответить мне – внезапно прямо на нашем пути возникли три стражника. Надо полагать, не все они были около собора. Мы с Дмитрием одновременно вырвались вперед, загромождая собой остальных. По словам Адриана, наведенная им иллюзия рассеется, если мы столкнемся с кем-нибудь лицом к лицу. Так пусть эти стражи узнают и запомнят только нас с Дмитрием. Я чисто инстинктивно, без колебаний ринулась в атаку, хотя в глубине души с болью осознавала, что именно делаю.

Я уже сражалась со стражами прежде и всегда при этом

испытывала чувство вины. Так было в тюрьме «Тарасто», так было, когда королевские стражи пришли меня арестовывать. Правда, никого из них я не знала лично, просто понимала, что они мои коллеги, и это само по себе было скверно. Но сейчас? Сейчас я столкнулась с одной из самых трудных проблем своей жизни, хотя что такое трое стражей против нас с Дмитрием? Мы справимся с ними без труда. Суть в том, что я знала этих стражей. С двумя из них я сталкивалась после окончания Академии. Они работали при дворе и всегда были добры ко мне.

А третьего стража я не просто знала – это был друг. Мерedit, одна из немногих девушек в моем классе в Академии Святого Владимира. В ее глазах мелькнуло смущение; уверена, и в моих тоже. Мы обе ощущали неправильность ситуации. Однако теперь Мерedit стала стражем, а чувство долга вдальбливали в наши головы всю жизнь. Она считала меня преступницей – и в то же время видела, что я на свободе, в состоянии боевой готовности. Правила предписывали ей задержать меня, и, честно говоря, ничего другого я не ожидала. Я поступила бы именно так, поменяйся мы ролями. Это был вопрос жизни и смерти.

Дмитрий взял на себя обоих парней – крутой и быстрый как никогда. Мы с Мерedit бросились друг на друга. Сначала она попыталась сбить меня с ног своей тяжестью и придавить к земле. Вот только я была сильнее, и ей следовало бы это знать. Сколько раз мы боксировали в гимнастическом

зале Академии? И я почти всегда побеждала. А сейчас это была не игра, не тренировочный бой. Я ринулась навстречу и нанесла сильный удар в челюсть, молясь, чтобы не сломать кость. Она продолжала сражаться, преодолевая боль, но снова я оказалась сильнее. Схватила ее за плечи и швырнула на землю. Она сильно ударилась головой, но сознания не потеряла. Мне пришлось перехватить ее за шею и сжимать пальцы, пока ее глаза не закрылись. Убедившись, что она отключилась, я отпустила ее, чувствуя, как сердце у меня переворачивается в груди.

Оглянувшись, я увидела, что Дмитрий уже одолел своих противников. Наша группа двинулась дальше, будто ничего не произошло. Я посмотрела на Эдди; он, конечно, понял, что меня гложет.

– Ты сделала что должна была, – постарался успокоить он меня. – С ней все будет в порядке. Синяки, конечно, останутся, но она придет в себя.

– Я сильно ударила ее.

– Врачи приведут ее в сознание. Черт, сколько раз такое бывало на тренировках?

Я надеялась, что он прав. Граница между тем, что правильно, а что нет, была теперь заметно размыта. Одно хорошо, рассуждала я, – Мередит была так занята мной, что вряд ли заметила Эдди и остальных. Во время схватки они держались в стороне, рассчитывая, что мы с Дмитрием отвлечем внимание на себя, а их прикроет созданная Адрианом

завеса.

В конце концов мы добрались до гаражей, где действительно народу оказалось гораздо больше обычного. Некоторые морои уже уехали. Одна королевская особа билась в истерике – ключи от ее машины были у водителя, а она не знала, где он. Она громко взывала к проходящим мимо, искала кого-нибудь, способного накоротко замкнуть провода ее двигателя.

Дмитрий решительно и целеустремленно вел нас вперед – он точно знал, куда идти. Да, они как следует потрудились, разрабатывая свой план, поняла я. Наверное, главным образом вчера. Почему Лисса скрывала это от меня? Может, было бы лучше известить меня заранее?

Мы пробирались в толпе, направляясь к самому дальнему гаражу. Около него стояла темно-серая «хонда-цивик», а рядом с ней – мужчина, скрестив на груди руки и изучая ветровое стекло. Услышав наши шаги, он обернулся.

– Эйб! – воскликнула я.

Мой знаменитый отец одарил меня своей чарующей улыбкой, которая могла обмануть несведущего и обречь его на гибель.

– Что ты здесь делаешь? – требовательно спросил Дмитрий. – Ты тоже в списке подозреваемых! Предполагалось, что ты будешь держаться в стороне, как и остальные.

Эйб пожал плечами. Казалось, возмущение Дмитрия ничуть его не беспокоило, а вот я не желала бы, чтобы этот

гнев был направлен на меня.

– Василиса сделает так, чтобы несколько человек поклялись, что видели меня во дворце. – Эйб обратил на меня взгляд темных глаз. – Кроме того, разве я могу уехать, не попрощавшись с тобой?

Я сердито затрясла головой.

– Это что, было частью твоего плана как моего адвоката? Вряд ли организация бегства с применением взрывчатки входит в юридическую подготовку.

– Это, безусловно, не входило в юридическую подготовку Дамона Таруса, – продолжая улыбаться, ответил Эйб. – Я говорил тебе, Роза. Не будет ни казни, ни даже суда – если я смогу избавить тебя от этого. – Он помолчал. – И конечно, я смог.

Я бросила взгляд на автомобиль. Дмитрий стоял рядом, держа в руке ключи и явно проявляя нетерпение. Припомнилось то, что сказал раньше Адриан.

– Если я сбегу, то буду выглядеть виновной.

– Тебя уже считают виновной, – сказал Эйб. – И если бы ты продолжала торчать в камере, это ничего не изменило бы. А сейчас мы просто будем иметь в своем распоряжении больше времени без угрозы того, что тебя вот-вот казнят.

– И что именно вы собираетесь делать?

– Доказать твою невиновность, – объяснил Адриан. – Ох, ну, что ты не убивала мою тетю. В чем в чем, а в этом твоей вины нет.

– Что, собираетесь уничтожить улики? – спросила я, игнорируя подковырку.

– Нет, – ответил Эдди. – Мы должны найти того, кто действительно совершил убийство.

– Теперь, когда я на свободе, вам лучше больше не лезть во все это. Это моя проблема. Разве не за этим вы вытащили меня из тюрьмы?

– Ты не можешь решить эту проблему, оставаясь при дворе, – возразил Эйб. – Тебе придется перебраться в безопасное место.

– Да, но я...

– Мы впустую тратим драгоценное время, – перебил меня Дмитрий, скользя взглядом по другим гаражам.

Вроде бы там по-прежнему царил хаос, и все были слишком обуреваемы собственными страхами, чтобы обращать внимание на нас. Дмитрий, однако, не перестал беспокоиться. Он протянул мне серебряный кол, и я не спрашивала зачем. Это же оружие... стоит ли от него отказываться?

– Знаю, пока везде суматоха, но ты же понимаешь, стражи быстро восстановят порядок. И едва это произойдет, территория двора будет надежно заперта.

– Им и не нужно этого делать, – медленно сказала я. – Нам уже не удастся запросто покинуть двор. Нас остановят – если мы вообще сумеем добраться до ворот. Там наверняка пробка в несколько миль длиной!

– Из авторитетного источника мне стало известно, – бес-

страстно сообщил Эйб, с праздным видом разглядывая свои ногти, – что совсем скоро в южной стороне откроются новые ворота.

И тут меня осенило.

– О господи! Это ты раздобыл си-четыре.

– Тебе легко говорить. – Он нахмурился. – Такие вещи просто не раздобудешь.

Терпение Дмитрия подходило к концу.

– Так, обращаюсь ко всем: Роза должна уехать немедленно. Она в опасности. Если понадобится, я потащу ее.

– Тебе вовсе не обязательно ехать со мной, – выпалила я, обиженная его последним высказыванием. Всплыли совсем свежие воспоминания о том, как Дмитрий говорил, что не любит меня и даже не хочет сохранить нашу дружбу. – Я в состоянии сама позаботиться о себе. Никому не хочу доставлять неприятности. Давай сюда ключи.

Вместо этого Дмитрий одарил меня страдальческим взглядом, давая понять, что я веду себя нелепо. Прямо как будто мы снова оказались в классе Академии.

– Роза, у меня не может быть больше неприятностей, чем уже есть. На кого-то надо свалить помощь тебе, и я – самый подходящий вариант.

Я не была так уж уверена в этом. Если Татьяна действительно сумела убедить многих, что Дмитрий не опасен, после моего побега его репутации конец.

– Уезжай. – Неожиданно Эдди быстро обнял меня. – Бу-

дем поддерживать контакт через Лиссу.

И только тут я поняла, что это сражение мне не выиграть – они все заодно. Придется, видно, и впрямь уезжать.

Я сама обняла Майкла и шепнула ему на ухо:

– Спасибо тебе. Спасибо за помощь. Клянусь, мы найдем Соню.

Не отвечая, он лишь грустно улыбнулся.

Труднее всего было расставаться с Адрианом. Я видела – для него это тоже нелегко, и неважно, насколько беззаботно он пытался улыбнуться. Его, ясное дело, огорчало и то, что я уезжаю с Дмитрием. Наше объятие длилось чуть дольше, чем с остальными, и он мягко поцеловал меня в губы. Я чуть не расплакалась при мысли о том, как храбро он вел себя в этом деле. Хотелось бы мне, чтобы он уехал со мной, но для него безопаснее было остаться здесь.

– Адриан, спасибо тебе за...

Он вскинул руку:

– Мы не прощаемся, маленькая дампирка. Встретимся во сне.

– Если ты будешь достаточно трезв.

Он подмигнул мне.

– Смог же я сейчас – ради тебя.

Оглушительный грохот обрушился на нас, справа мелькнула яркая вспышка. Люди у гаражей закричали.

– Вот видишь? – сказал Эйб, явно очень довольный собой. – «Новые ворота». Идеальный расчет времени.

Я обняла и его (без особой охоты) и ужасно удивилась, когда он не только не отстранился, но даже улыбнулся мне... с нежностью.

– Ах, дочь моя! Восемнадцать, и уже обвиняешься в убийстве, помогала преступникам. Да у тебя на счету больше смертей, чем у большинства стражей за всю жизнь. – Он помолчал. – Мне есть за что гордиться тобой.

Я закатила глаза.

– До свидания, старина. И спасибо.

Уточнять, каких преступников он имел в виду, не имело смысла. Я расспрашивала его о тюрьме, из которой впоследствии сбежал известный преступник; ну, он, конечно, сложил два и два – и вычислил, кто стоит за освобождением Виктора Дашкова.

И вот мы с Дмитрием оказались в машине и помчались к «новым воротам». Жаль, что я не попрощалась с Лиссой. Мы, конечно, никогда не разлучаемся в полной мере – благодаря нашей связи, но никакая связь не может заменить общения лицом к лицу. Тем не менее оно того стоило – если в результате на Лиссу не падет и тени подозрения. Я надеялась на это.

Как и всегда, вел машину Дмитрий, что, по-моему, было ужасно несправедливо. Одно дело, когда я была студенткой, но сейчас? Уступит ли он мне руль хоть когда-нибудь? Впрочем, обсуждать это сейчас не имело смысла – в особенности поскольку я не собиралась оставаться с ним долго.

Некоторые люди осмелились подойти и посмотреть на проем в стене, но должностных лиц среди них не было. Дмитрий промчался через брешь так же эффектно, как когда-то Эдди через ворота тюрьмы «Тарасто», вот только «хонда» не так хорошо справлялась с ухабистой, заросшей травой местностью, как внедорожник на Аляске. Для нас проблема состояла в том, что дороги как таковой тут не было. Это находилось за пределами возможностей даже Эйба.

– Почему мы уезжаем на «хонде»? – спросила я. – Внедорожник подошел бы больше.

Не глядя на меня, Дмитрий уверенно вел машину.

– Потому что это один из самых распространенных автомобилей, и, значит, он не привлечет внимания. И бездорожье скоро закончится. На автостраде мы разовьем приличную скорость и постараемся оставить двор как можно дальше позади – прежде чем бросим машину, конечно.

– Бросим... – Я покачала головой, но не стала задавать дополнительных вопросов.

Мы выехали на грунтовую дорогу, которая после нашего ухабистого старта ощущалась почти идеально ровной.

– Послушай, теперь, когда мы уезжаем, я хочу, чтобы ты знал: я действительно имела в виду то, что говорила. В смысле, что тебе вовсе не обязательно ехать со мной. Я высоко ценю твою помощь в организации этого бегства. Правда. Но продолжать и дальше сопровождать меня... Понимаешь, это вряд ли пойдет тебе на пользу. Они будут разыскивать не

столько тебя, сколько меня. Если мы разделимся, ты сможешь жить среди людей, и никто не будет обращаться с тобой как с лабораторным животным. Сможешь даже потихоньку вернуться ко двору. Таша будет драться за тебя.

Дмитрий долго не отвечал. Это сводило меня с ума. Я не из тех, кто легко переносит молчание – оно вызывает у меня желание трещать без умолку, чтобы заполнить пустоту. К тому же чем дольше я сидела здесь, тем сильнее меня разбирало оттого, что мы с Дмитрием наедине. В смысле, по-настоящему наедине с тех пор, как он снова стал вампиром. Я чувствовала себя ужасно глупо, но, несмотря на всю рискованность и опасность ситуации... В общем, его присутствие по-прежнему потрясало своей удивительной мощью. Даже выводя меня из себя, он оставался чертовски привлекателен. Наверное, бурлящий в крови адреналин плохо влиял на мою голову.

Как бы то ни было, на меня воздействовала не только физическая привлекательность – хотя это определенно отвлекало. Его волосы, лицо, его близость ко мне, его запах... Я чувствовала все это, и кровь в жилах вскипала. Однако душевные качества Дмитрия – того Дмитрия, который только что во главе маленькой армии организовал побег из тюрьмы, – действовали на меня не менее чарующе. И я быстро осознала почему: я снова видела прежнего Дмитрия, того, который, как я опасалась, исчез навсегда. Нет, он не исчез. Он вернулся.

Наконец Дмитрий заговорил:

– Я не оставляю тебя, и никакая знаменитая логика Розы не поможет тебе разубедить меня. А если попытаешься сбежать, я тебя найду.

Можно не сомневаться, это в его силах, отчего вся ситуация лишь больше сбивала с толку.

– Но почему? Я не хочу, чтобы ты был со мной.

Меня все еще тянуло к нему, да, но это не умаляло того факта, что, поставив крест на наших отношениях, он причинил мне сильную боль. Он отверг меня. Я должна была ожесточить свое сердце против него, в особенности если хотела наладить отношения с Адрианом. Восстановить свое доброе имя и снова начать жить нормальной жизнью – до этого пока было ой как далеко, но если это произойдет, я хотела бы вернуться к Адриану свободной от прежних чувств.

– То, чего ты хочешь, не имеет значения, – сказал он. – И чего я хочу – тоже.

Ничего себе!

– Лисса просила меня защищать тебя.

– Эй, я не нуждаюсь...

– Я поклялся служить и помогать ей всю оставшуюся жизнь, о чем бы она ни попросила. Если она хочет, чтобы я был твоим телохранителем, так и будет. – Он бросил на меня предостерегающий взгляд. – Так что в ближайшее время ты от меня не отделаешься, даже не пытайся.

Пять

Слова Дмитрия «ты от меня не отделаешься» имели отношение не только к нашему рухнувшему романтическому прошлому. Когда я сказала, что не хочу быть причиной его неприятностей, я именно это и имела в виду. Если стражи найдут меня, моя судьба будет мало отличаться от той, которой я сейчас пыталась избежать. Но Дмитрий? Он делал лишь первые шаги к тому, чтобы наше общество приняло его. Конечно, и сейчас он в значительной степени навредил себе, однако по-прежнему имел шансы добиться своего. Если он не захочет возвращаться ко двору или жить среди людей, то может вернуться в Сибирь, к своей семье. Там, на безлюдных просторах, его будет трудно найти. Община очень закрытая, и им не составит труда спрятать его, если на него объявят охоту. Другое дело – оставаться со мной; по-моему, для него это наихудший вариант. От меня требуется одно – постараться убедить его.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал Дмитрий после примерно часа езды по дороге.

Мы мало разговаривали, оба погружившись в свои мысли. Проехав по нескольким проселочным дорогам, мы в конце концов оказались на шоссе, связывающем отдельные штаты, и теперь мчались... Я понятия не имела куда. Я смотрела в окно, размышляя обо всех своих бедах и о том, как мне в

одиначку уладить их.

– А?

Мне почудилось, что он еле заметно улыбнулся, хотя это казалось полным абсурдом – ведь сейчас его ситуация была хуже, чем когда-либо с тех пор, как он возвратился из состояния стригоя.

– Ничего у тебя не получится, – добавил он. – Ты строишь планы, как избавиться от меня, скорее всего, когда остановимся для дозаправки. Тебе кажется, что, может, тогда у тебя появится шанс сбежать.

С ума сойти! Действительно, об этом я и думала. Он и раньше обладал способностью читать мои мысли, вот только теперь это не радовало.

Я повела рукой по сторонам:

– Все это – пустая трата времени.

– Неужели? А что, лучше было оставаться взаперти и дожидаться, пока тебя казнят? Только не начинай снова о том, что это слишком опасно для меня.

Я сердито посмотрела на него.

– Дело вовсе не только в тебе. Скрыться – не единственное, к чему я стремлюсь. Как я восстановлю свое доброе имя, если буду прятаться где-то у черта на куличках, куда, не сомневаюсь, ты меня везешь? Надо решать проблемы при дворе.

– И там у тебя много друзей, которые займутся этим. Они смогут действовать решительнее, зная, что ты в безопасно-

сти.

– Меня вот что интересует: почему никто не рассказал мне об этом... ну, в смысле, почему Лисса не рассказала? Зачем скрыла все от меня? Тебе не кажется, что от меня было бы больше толку, если бы я была подготовлена?

– Нам предстояло сражаться, не тебе, – ответил Дмитрий. – Мы опасались, что если ты узнаешь, то можешь каким-то образом нас выдать.

– Я ни за что не проговорила бы!

– Сознательно? Конечно нет. Но если бы стали заметны твоё возбуждение или беспокойство, твои стражи могли бы насторожиться.

– Ладно, теперь, когда мы уже едем, можешь сказать куда? Я права? Это какое-то глухое, удаленное место?

Никакого ответа.

Я прищурилась, не сводя с него взгляда.

– Ненавижу, когда меня отодвигают в сторону.

Еле заметная улыбка на его губах стала чуть шире.

– У меня есть собственная теория: чем меньше ты знаешь, тем вернее любопытство будет удерживать тебя при мне.

– Глупость какая! – возмутилась я, хотя, честно говоря, его теория не была лишена смысла. Я вздохнула. – Когда, черт побери, все вышло из-под контроля? Когда вы взяли все на себя? Обычно я придумываю идиотские, невыполнимые планы. И считала, что в этом деле я генерал, а выходит, что едва-едва лейтенант.

Он начал что-то говорить, но потом внезапно замер; на лице возникло это настороженное, смертоносное выражение стража. Он выругался по-русски.

– Что случилось? – встревожилась я, немедленно выкинув из головы всякие мысли об идиотских планах.

Встречные фары осветили его лицо, и я увидела, что он смотрит в зеркало заднего обзора.

– За нами хвост. Не думал, что это произойдет так скоро.

– Ты уверен?

Уже заметно стемнело, количество машин на шоссе возросло. Трудно представить, как можно заметить один подозрительный автомобиль среди такого множества, но... Это же был Дмитрий.

Он снова выругался и внезапно резко развернулся, заставив меня вцепиться в приборную доску. Резко пересек две полосы, едва не врезавшись в минивэн, отреагировавший на это сердитыми гудками. Прямо перед нами оказался выезд, и Дмитрий съехал с автострады, чуть не сбив перила ограждения. Послышались новые гудки, и, оглянувшись, я увидела фары автомобиля, в точности повторившего наш безумный маневр.

– Двор, видимо, очень быстро разослал сообщения, – сказал Дмитрий. – И кто-то для них наблюдает за междуштатными магистралями.

– Может, лучше выехать обратно на местные дороги?

Он покачал головой:

– Это чересчур нас задержит. Проблем бы не было, если бы мы успели сменить автомобиль, но они слишком быстро нашли нас. Нужно раздобыть новую машину здесь. До границы Мериленда это самый крупный город.

Согласно указателю, мы находились в Гаррисберге, штат Пенсильвания, и Дмитрий умело вел машину по забитой дороге с оживленной торговлей по сторонам; наш хвост не отставал.

– Как ты собираешься заполучить новую машину? – настороженно спросила я.

Он проигнорировал мой вопрос.

– Слушай внимательно. Это очень, очень важно – чтобы ты сделала все в точности так, как я скажу. Никакой импровизации. Никаких споров. В том автомобиле стражи, и к этому моменту они уже предупредили всех здешних стражей – возможно, даже и человеческую полицию.

– Но если полиция схватит нас – будет еще больше проблем.

– Алхимики все уладят и обеспечат, чтобы мы снова оказались в руках мороев.

Алхимики. Я могла бы и догадаться, что без них тут не обойдется. Они представляли собой тайное сообщество людей, защищающих интересы мороев и вампиров, обеспечивающих сокрытие от человечества сам факт нашего существования. Конечно, алхимики делали это не по доброте душевной. Они считали нас дурными, противоестественными

созданиями и главным образом стремились добиться того, чтобы мы оставались на периферии человеческого общества. Беглые «преступники» вроде нас создавали проблему, в решении которой они определенно захотят помочь мороям.

Голос Дмитрия звучал твердо и повелительно, взгляд его неустанно скользил по сторонам дороги.

– Что бы ты ни думала по поводу того, что за тебя все решают, как бы ни огорчалась из-за этого, ты знаешь – и мне известно, что ты знаешь, – что я ни разу не подводил тебя, когда на кону стояла наша жизнь. Ты доверяла мне раньше. Доверься и теперь.

Мне хотелось сказать ему, что он не совсем прав. Однажды он подвел меня – когда позволил стригую одолеть себя, продемонстрировав тем самым собственную небезупречность; тогда его невероятный, божественный образ в моем сознании разбился вдребезги. Но что касается моей жизни? Да, он всегда обеспечивал мою безопасность. Даже когда он был стригоем, я до конца не верила, что он может убить меня. В ночь нападения на Академию, ту самую, когда его превратили в стригоя, он тоже велел мне беспрекословно повиноваться ему, не задавая вопросов; тогда это означало уйти, предоставив ему сражаться со стригоями, но я подчинилась.

– Ладно, – ответила я. – Сделаю все, что скажешь. Только не надо разговаривать со мной свысока. Больше я не твоя студентка. Теперь мы равны.

На мгновение оторвавшись от дороги, он бросил на меня

удивленный взгляд:

– Мы всегда были равны, Роза.

Растаяв, я не сообразила, что ответить, а потом уже было поздно – он снова стал сама деловитость.

– Вон. Видишь вывеску кинотеатра?

Я повела взглядом по сторонам дороги. В ночи светились вывески множества ресторанов и магазинов, но наконец я заметила то, что он имел в виду.

«ЗАПАДНОЕ КИНО».

– Да.

– Там и встретимся.

Мы что, разделяемся? Я хотела этого, но не в такой ситуации, не перед лицом опасности. Однако я обещала не спорить и прикусила язык.

– Если меня не будет через полчаса, позвони вот по этому номеру и дальше действуй самостоятельно.

Дмитрий достал из кармана пыльника и протянул мне клочок бумаги с нацарапанным на нем телефонным номером; мне он был незнаком.

«Если меня не будет через полчаса». Это мне совсем не понравилось, и у меня вырвался возглас протеста:

– Что ты имеешь в виду, говоря... Ох!

Дмитрий снова резко развернулся и проехал на красный

свет, едва не сшибив уйму машин. Водители снова загудели, но для нашего хвоста этот маневр оказался слишком неожиданным. Преследователи со свистом пронесли мимо и притормозили, ища место, где можно развернуться.

Дмитрий между тем завел машину на маленькую парковку при галерее магазинов, где автомобили стояли почти вприценку. Я взглянула на часы, чтобы получить представление о том, сколько сейчас времени у людей. Почти восемь вечера. У мороев начало дня, у людей – время развлечений. Проехав мимо нескольких входов в галерею, Дмитрий наконец остановился около одного из них и гибким, плавным движением выбрался из автомобиля. Я быстро последовала за ним.

– Вот тут мы и разойдемся. – Он устремился к входу в магазин. – Внутри не мешкай, но и не беги. Не привлекай внимания. Смешайся с толпой. Поболтайся здесь немного, а потом уходи через любую дверь, кроме этой, держась рядом с какой-нибудь группой людей. И иди к кинотеатру.

Мы вошли в галерею.

– Давай!

Как будто опасаясь, что я не смогу двинуться с места, он легонько подтолкнул меня к эскалатору, а сам затерялся в толпе на том же этаже. Я наконец стряхнула с себя оторопь и поднялась по эскалатору. Приобретение быстрых рефлексов и инстинктивных реакций – часть нашего обучения. Я оттачивала эти навыки в Академии, в своих путешествиях и с Дмитрием.

Меня долго и упорно учили ускользать от врага, и сейчас все это знание ожило. Больше всего хотелось обернуться и посмотреть, не преследуют ли меня, но это определенно привлекло бы внимание. Логично рассуждая, мы по крайней мере на пару минут обошли преследователей. Они должны были развернуться, подъехать к галерее и кружить по парковке в поисках нашей машины – это если они догадались, что мы скрылись в магазине. Вряд ли в Гаррисберге столько мороев, чтобы быстро мобилизовать большое количество стражей. Но и тем, которые преследовали нас, придется разделиться – одни будут охранять входы, другие обыскивать галерею. Здесь столько дверей, что за всеми не уследишь; угадать, через какую именно я выйду, – это вопрос чистого везения.

Я шла довольно быстро, обходя парочки, семьи с детскими колясками и хихикающих подростков. Эти последние вызвали у меня зависть – их жизнь казалась намного легче моей. Еще я проходила мимо бесчисленных магазинчиков, не вникая в то, что там продается. Впереди возник центр галереи с отходящими в разные стороны коридорами.

Оказавшись рядом с магазином аксессуаров, я зашла внутрь и сделала вид, что интересуюсь головными повязками. Незаметно оглянулась, но не увидела ничего бросающегося в глаза. Никто не остановился; никто не вошел следом за мной в магазин. Там еще стояла большая корзина с надписью «Распродажа», наполненная самыми разными предмета-

ми. Среди них была бейсболка для девушек, ярко-розовая, со звездой впереди, выложенной из разноцветных стразов. Жуть!

Я купила ее – спасибо стражам, которые после ареста не отняли у меня завалявшуюся в кармане мелочь; наверное, посчитали, что для подкупа этого мало. Еще я купила резинку для конского хвоста, все время искоса поглядывая на дверь. Прежде чем уйти, я стянула резинкой волосы и надела бейсболку. Может, это и выглядело глупо – маскироваться подобным образом, но волосы позволяли легко опознать меня – темно-коричневые, почти черные, свисающие до середины спины (в последнее время мне было не до стрижки). Фактически, с учетом моих бросающихся в глаза волос и роста Дмитрия, мы были бы очень заметной парой, если бы расхаживали здесь вместе.

Я снова слилась с потоком покупателей, вскоре добралась до центра галереи и не колеблясь свернула влево, в «Мейси»¹. Там я ощутила некоторую неловкость из-за своей шапки и пожалела, что у меня не было времени подыскать что-нибудь более стильное. Несколько минут спустя, заметив стража, я, напротив, порадовалась своему выбору.

Он стоял около лотка, которые всегда можно увидеть в центре торговых галерей, и делал вид, что интересуется футлярами сотовых телефонов. Я узнала его по тому, как он ухитрялся проявлять интерес к футляру с изображением

¹ «Мейси» – сеть универсальных магазинов. (Здесь и далее прим. перев.).

зебры и в то же время скользить взглядом по сторонам. Хорошо, что с достаточно близкого расстояния дампирь всегда могут отличить друг друга от людей. В общем-то, наши расы выглядят одинаково, и все же я всегда могла опознать своего.

Стараясь не глядеть прямо на него, я почувствовала на себе его взгляд. Мне этот страж был незнаком; надо полагать, я ему тоже. Наверное, он видел лишь фотографию и выискивал девушек с моими приметными волосами. Придав себе максимально беспечный вид, я ленивым шагом прошла мимо стража, глядя в окна, позволяющие мне, не оборачиваясь, видеть его. Сердце колотилось как бешеное. Стражам дано право убить меня при первом же столкновении. Интересно, это распространяется и на центр галереи магазинов? Ну, выяснять это у меня желания не было.

Пройдя мимо лотка, я немного прибавила шагу. В «Мейси» была собственная наружная дверь, и теперь настало время выяснить, разумно ли я поступила, выйдя не через нее, а двинувшись в этом направлении. Я прошла по галерее, спустилась по эскалатору и устремила к выходу на первом этаже – пройдя мимо очень милой секции, где продавались красивые береты и мягкие фетровые шляпы. Я остановилась рядом с ней, не в целях сменить головной убор, а потому, что это позволило мне пристроиться к группе девушек, тоже направляющихся к выходу.

Мы покинули магазин вместе. Мои глаза быстро приспособились к смене освещения. Вокруг было множество людей,

но снова ничто меня не настораживало. Девушки остановились, чтобы поболтать, создавая для меня хорошее прикрытие. Справа виднелась оживленная улица, по которой мы с Дмитрием приехали, а оттуда добраться до кинотеатра не составляло труда. Я вздохнула с облегчением и пересекла парковку, по-прежнему шаря взглядом по сторонам.

Чем дальше я отходила от галереи, тем меньше людей было на парковке. Фонари тускло освещали ее, но это не помещало нарастать довольно жуткому ощущению по мере того, как вокруг становилось все тише и тише. Импульсивно мне хотелось свернуть на улицу и по ней выйти к кинотеатру, однако спустя мгновение я решила, что это слишком привлечет ко мне внимание. Идя прямо через парковку, я гораздо быстрее доберусь до кинотеатра.

Так и оказалось – почти. Завидев кинотеатр, я осознала, что избавиться от преследования мне не удалось. Неподалеку впереди тень от фонарного столба выглядела неестественно – слишком широкой. Кто-то прятался за столбом. Не верилось, что по чистому совпадению какой-то страж выбрал это место в надежде, что мы с Дмитрием пройдем мимо. Более вероятно, что кто-то раньше заметил меня и забежал вперед, чтобы устроить засаду.

Я продолжала идти, стараясь не слишком заметно замедлять шаг, хотя все мышцы в теле напряглись для атаки. Я должна атаковать первой, должна управлять ситуацией.

Момент настал за несколько секунд до того, как сидя-

щий в засаде собрался, по моим предположениям, напасть на меня. Я прыгнула вперед и отшвырнула его к ближайшему автомобилю. Это оказался незнакомый мне дампир. Да, он от неожиданности оторопел. Правда, оторопь стала обоюдной, когда включилась сигнализация машины, огласив ревом ночь. Я вздрогнула, но тем не менее врезала своему противнику в челюсть.

От сильного удара он приложился головой к автомобилю, но стойко выдержал это и тут же оттолкнул меня, пытаясь освободиться. Он был сильнее, а я споткнулась, но равновесия не потеряла. Недостаток силы я возмещала скоростью. Ни один его удар не задел меня, впрочем, это не слишком радовало. Дурацкая сигнализация все еще продолжала вопить и, без сомнения, в итоге должна была привлечь внимание других стражей или человеческой полиции.

Я обежала автомобиль, страж погнался за мной, но остановился, когда мы оказались с противоположных сторон. Можно было подумать, это такая игра. Он пытался предугадать, в какую сторону я двинусь, я делала то же самое. В тусклом свете я разглядела нечто удивительное: за поясом у него был пистолет. Кровь заledenела у меня в жилах. Стражи редко носили пистолеты, хотя были обучены использовать их. Кол – вот оружие, которое мы предпочитаем. В конце концов, наше дело – убивать стригоев, а для этих целей пистолеты неэффективны. Но против меня? Да. Пистолет упростил бы его задачу, но мне почему-то казалось, что он не решается

использовать его. Сигнализация машины могла включиться, если кто-то просто подошел слишком близко, но пистолетный выстрел? Тут же последует звонок в полицию. Этот парень не станет палить, пока может обойтись без этого, – но, конечно, выстрелит, если у него не останется другого выхода. Нужно торопиться.

Я метнулась к передней части автомобиля, страж попытался перехватить меня, но потом, к его удивлению, я вспрыгнула на капот (потому что, честно говоря, ничто уже не могло заставить сигнализацию вопить громче). Воспользовавшись мимолетным преимуществом, я обрушилась на противника, свалила на землю и уселась ему на живот, руками сжимая шею. Он извивался, пытаясь стряхнуть меня, и едва не преуспел в этом. Наконец нехватка воздуха сделала свое дело. Он перестал дергаться и потерял сознание. Тогда я отпустила его.

На мгновение перед моим внутренним взором возникла Мередит. Когда мы покидали двор, я применила к ней ту же технику. Я почти воочию увидела, как она распростерлась на земле, и почувствовала укол вины. Но тут же стряхнула это чувство. С Мередит все в порядке. И сейчас передо мной не Мередит. И вообще все это ерунда. Имеет значение лишь то, что страж больше не представляет для меня препятствия. Я должна убираться отсюда, и побыстрее.

Не глядя, преследует ли меня кто-нибудь еще, я рванула через парковку к кинотеатру. Остановилась лишь раз, когда

воющий автомобиль остался позади, и спряталась за другой машиной. Около стража пока никого не было, но на ближайшей к галерее части парковки наблюдалась некоторая деятельность. Я не стала задерживаться, чтобы разглядеть, что там происходит. В любом случае ничего хорошего мне это не сулило.

Через пару минут я добралась до кинотеатра, тяжело дыша больше от страха, чем от быстрого бега. Спасибо Дмитрию – он помог мне выработать выносливость. Но где же он сам? Вокруг шатались любители кино, либо дожидаясь билетов, либо обсуждая только что увиденный фильм. Некоторые бросали на меня любопытные взгляды – видимо, из-за моего взъерошенного вида. Никаких признаков Дмитрия не обнаруживалось.

Часов у меня не было. Сколько времени прошло с тех пор, как мы разделились? Уж конечно не полчаса. Я обошла кинотеатр, стараясь затеряться в толпе и выискивая Дмитрия или новых преследователей. Ничего. Минуты убегали прочь. Я сунула руку в карман и коснулась бумаги с телефонным номером. Уходи, велел он мне. Уходи и позвони по этому номеру. Конечно, сотового телефона у меня нет, но в данный момент это волновало меня меньше всего...

– Роза!

К обочине подрулил автомобиль, из окна высунул голову Дмитрий, и я чуть не рухнула от облегчения. Ну, не рухнула, конечно. На самом деле, не тратя впустую ни секунды, я

бросилась к машине и забралась на пассажирское сиденье. Без единого слова он нажал на газ и отъехал от кинотеатра на главную улицу.

Поначалу мы молчали. Он был заметно взвинчен и вел машину так быстро, как это было возможно, не привлекая внимания полиции. Одновременно он все время поглядывал в зеркало заднего обзора.

– Кто-нибудь нас преследует? – спросила я наконец, когда он выехал на шоссе.

– Не похоже. Уйдет какое-то время, прежде чем они вычислят, в каком автомобиле мы уехали.

Сначала я не обратила внимания, но теперь разглядела, что мы сидели в «хонде-аккорд», тоже выглядевшей весьма заурядно. Ключей в замке зажигания не было.

– Ты накоротко замкнул провода? – спросила я, но тут же перефразировала вопрос: – Ты что, угнал машину?

– Интересные у тебя представления о морали. Сбежать из тюрьмы – это нормально. Но стоит угнать машину, и ты возмущаешься.

– Не столько возмущаюсь, сколько удивлена. – Я откинулась на сиденье. – Я боялась... понимаешь, был момент, когда я боялась, что ты не появишься. Что они схватили тебя или еще что-нибудь произошло.

– Нет. Большая часть времени ушла на то, чтобы незаметно найти подходящую машину.

Последовала пауза.

– Ты не спрашиваешь, что произошло со мной, – с оттенком раздражения заметила я.

– Зачем? Ты здесь. Вот что важно.

– Мне пришлось драться.

– Вижу. У тебя рукав порван.

Я оглядела себя. Черт, и впрямь порван. И еще я лишилась бейсболки. Ну, невелика потеря.

– Тебя не интересуют подробности?

Его взгляд был неотрывно прикован к дороге.

– Я и так знаю. Ты одолела своего врага, сделав это быстро и правильно. Потому что ты в этом мастер.

Я задумалась над его словами. Они прозвучали сухо, поделовому... и тем не менее улыбка тронула мои губы.

– Ладно. И что теперь, генерал? Тебе не кажется, что они изучат отчеты об украденных машинах и вычислят наш номерной знак?

– Скорее всего. Но к этому времени мы уже обзаведемся новым автомобилем... о котором им ничего не будет известно.

– Откуда тебе знать?

– Через несколько часов мы кое с кем встречаемся.

– Проклятье! Я и впрямь ненавижу узнавать обо всем последней.

«Несколько часов» привели нас в Роанок, штат Виргиния. В пути обошлось без приключений. Когда в поле зрения появился город, я заметила, что Дмитрий вглядывается в ука-

затели съездов с магистрали. Найдя тот, который искал, он свернул на боковую дорогу, проверил, нет ли хвоста, но ничего не обнаружил. Мы снова выехали на улицу с торговыми заведениями по сторонам, и он подрулил к «Макдоналдсу», стоящему чуть в стороне от остальных зданий.

– Вряд ли это просто перерыв на обед?

– Это, – ответил он, – место, откуда начнется следующая часть нашего пути.

Он поехал вокруг парковки ресторана, взглядом выискивая что-то, хотя сначала я не понимала, что именно. Я заметила ее на мгновение раньше его. В дальнем углу парковки, прислонившись к желтовато-коричневому внедорожнику, спиной к нам стояла женщина. Я разглядела лишь темную рубашку и взъерошенные светлые волосы до плеч.

Дмитрий подъехал к месту рядом с ее машиной, нажал на тормоза, и я выскочила из машины. Я узнала ее еще до того, как она повернулась.

– Сидни?

Это прозвучало как вопрос, хотя я не сомневалась, что это она.

Она повернула голову, и я увидела знакомое – человеческое – лицо с карими глазами, которые на солнце приобретали желтоватый оттенок, и еле заметной золотистой татуировкой на щеке.

– Привет, Роза. – Она грустно улыбнулась мне, демонстрируя пакет от «Макдоналдса». – Я подумала, вы проголо-

дается.

Шесть

На самом деле, если хорошенько подумать, появление Сидни выглядело не более странно, чем половина того, что происходит со мной регулярно. Сидни – алхимик, мы встречались с ней в России, когда я разыскивала Дмитрия, чтобы убить его. Она моя ровесница и была ужасно недовольна, что ее направили работать туда, хотя мне ее помощь очень пригодилась. Как Дмитрий заметил раньше, алхимики наверняка захотят помочь мороям найти и схватить меня. Тем не менее, судя по тому, как напряжены были оба в машине, стало очевидно, что она содействует нашему бегству.

С невероятным усилием я на некоторое время воздержалась от вопросов. Мы по-прежнему оставались беглецами, и, без сомнения, нас по-прежнему преследовали. У Сидни была новенькая, с иголки, машина марки «Хонда CRV» с луизианскими номерами и прокатным стикером.

– Какого черта? – спросила я. – Что, наш дерзкий побег спонсирует фирма «Хонда»? – Ответа не последовало, и я задала следующий, напрашивающийся сам собой вопрос: – Мы едем в Новый Орлеан?

Это было новое место работы Сидни. В данный момент осмотр достопримечательностей интересовал меня меньше всего, но, даже убегая, можно наткнуться на что-то хорошее.

– Нет, – ответила она, задним ходом выезжая с места пар-

ковки. – Мы едем в Западную Виргинию.

Я оглянулась на Дмитрия, сидящего сзади, в надежде, что он опровергнет ее слова; он этого не сделал.

– Надо полагать, говоря «Западная Виргиния», ты на самом деле имеешь в виду Гавайи, – сказала я. – Или еще что-нибудь столь же волнующее.

– Честно говоря, по-моему, тебе сейчас лучше избегать волнений, – заметила Сидни. Автомобильный навигатор направил ее к следующему повороту, а оттуда снова на шоссе 81. Она слегка нахмурилась. – И Западная Виргиния – это совсем неплохо.

Насколько я помнила, она была родом из Юты и, скорее всего, мало где бывала кроме родного штата. Уже давно смирившись с тем, что в этом заговоре побега мое слово ничего не значит, я перешла к следующей серии вопросов.

– Почему ты нам помогаешь?

Она состроила гримасу.

– А как ты думаешь?

– Эйб.

Она вздохнула.

– Я начинаю задаваться вопросом, стоит ли этого Новый Орлеан.

Совсем недавно я узнала, что, пользуясь своим непостижимым, практически неограниченным влиянием, именно Эйб помог ей покинуть Россию. Как он это сделал, понятия не имею. А известно мне вот что: в результате она оказалась

в неоплатном долгу перед ним, и он использовал это обстоятельство, прося ее о разных услугах. Иногда я спрашивала себя – что, если эта сделка включала в себя нечто большее, чем перевод из России, может, он сделал для нее что-то еще, о чем они мне не рассказывали? Как бы то ни было, я снова начала ругать ее за то, что этого следовало ожидать, раз она заключила сделку с дьяволом. Правда, я быстро прикусила язык. Поскольку за нами гналась уйма стражей, не слишком умно было дразнить того, кто нам помогает. Я переключилась на другую тему.

– Ладно. Ну и почему мы едем в Западную Виргинию?

Сидни открыла рот, собираясь ответить, но Дмитрий опередил ее:

– Еще не пора.

Я обернулась и вперила в него яростный взгляд.

– Я по горло сыта всем этим! Мы в бегах уже шесть часов, а я по-прежнему не знаю никаких деталей. Ясное дело, наша задача – оторваться от стражей, но неужели мы всерьез собираемся в Западную Виргинию? И там превратим какую-то хижину в свой оперативный штаб? Вероятно, на том склоне горы, где нет водопровода?

Сидни испустила свой фирменный раздраженный вздох.

– Что ты знаешь о Западной Виргинии?

Мне ужасно не нравилось, что они с Дмитрием объединились в своем желании держать меня в неведении. Что касается Сидни, ее замкнутость могла быть вызвана тысячей

причин. Может, таков приказ Эйба. Или у нее просто нет желания разговаривать со мной. Большинство алхимиков рассматривают дампиров и вампиров как порождение тьмы и поэтому обычно не слишком дружелюбны с нами. Время, проведенное со мной в Сибири, немного изменило эту ее точку зрения. Так я надеялась. Иногда возникало ощущение, что она просто не слишком общительна.

– Ты знаешь, что нас подставили? – спросила я ее. – На самом деле мы ничего не совершали. Они утверждают, будто я убила королеву, но...

– Знаю, – прервала меня Сидни. – Слышала. Все алхимики только об этом и говорят. Вы двое первые в списке тех, кого мы разыскиваем.

Она пыталась придерживаться делового тона, но в полной мере не смогла скрыть неловкость. Возникло чувство, будто Дмитрий нервнрует ее больше, чем я; ничего удивительного – он заставлял нервничать даже некоторых дампиров.

– Я не делала этого, – стояла я на своем.

Почему-то для меня было важно, чтобы она понимала это. Сидни проигнорировала мое замечание.

– Тебе нужно поесть, – заявила она, – не то еда остынет. Нам предстоит ехать чуть более трех часов, останавливаясь только для дозаправки.

Она говорила тоном, не допускающим дальнейшего обсуждения. Ну что тут поделаешь? В пакете я обнаружила огромную порцию картошки фри и три чизбургера. По-ви-

димому, она еще не забыла моих вкусов. Я с трудом удержалась от того, чтобы набить рот картошкой, и предложила чизбургер Дмитрию:

– Хочешь? Чтобы поддержать силы.

Поколебавшись, он взял его и принялся разглядывать с видом некоторого удивления; до меня дошло, что обычная еда все еще внове для него – после того, чем он питался последние месяцы. Стригои поддерживают свое существование только кровью. Я дала ему также немного картошки и жадно накинулась на остальное. Сидни я ничего предлагать не стала – она всегда отличалась плохим аппетитом, а если и хотела поесть, то наверняка сделала это, дожидаясь нас.

– Думаю, это для тебя.

Дмитрий протянул мне маленький рюкзак. Я открыла его и обнаружила две смены одежды и кое-какие туалетные принадлежности. Я дважды проглядела одежду.

– Шорты, рубашки и платье. В такой одежде сражаться нельзя. Мне нужны джинсы.

Платье, надо сказать, было симпатичное: длинное, без рукавов, просвечивающее, мягких акварельных оттенков черного, белого и серого. Но совершенно непрактичное.

– Вот она, твоя благодарность, – откликнулась Сидни. – Все происходило очень быстро, я только это и успела собрать.

Оглянувшись, я увидела, что Дмитрий распаковывает свою сумку. Там тоже была одежда и в том числе...

– Пыльник? – воскликнула я, глядя, как он достает длинный кожаный плащ. Даже непонятно, как он вообще туда втиснулся. – Ты сумела раздобыть для него пыльник, но не смогла найти для меня джинсы?

Сидни, казалось, не волновало мое возмущение.

– Эйб сказал, что это существенно. Кроме того, если все пойдет как задумано, сражаться тебе не придется.

Мне это не понравилось: вдали и в безопасности.

Зная, что мои спутники самые неболтливые люди в мире, я не рассчитывала ни на какой серьезный разговор в ближайшие три часа. Это и к лучшему: у меня появилась возможность проверить, как там Лисса. Я по-прежнему была вся на нервах из-за своего бегства, поэтому особо вникать не стала, просто произвела быструю оценку обстановки при дворе.

Как и предсказывал Дмитрий, стражи быстро восстановили порядок. Свободное передвижение по двору запрещалось, все, имеющие хоть какое-то отношение ко мне, подверглись серьезному допросу. Но они имели алиби. Всех моих друзей видели на похоронах – или, в случае Эйба, думали, что видели. Две девушки поклялись, что были с Адрианом, – к ним, видимо, тоже применили принуждение. Разочарование стражей росло, и благодаря нашей связи я чувствовала удовлетворение Лиссы.

Даже не зная точно, когда я смогу проникнуть в ее сознание, она послала мне сообщение через нашу связь: «Не волнуйся, Роза. Я позабочусь обо всем. Твое доброе имя будет

восстановлено».

Я откинулась на спинку сиденья, не зная, что и думать. Всю свою жизнь я заботилась о ней, старалась защищать от любой опасности. Теперь мы поменялись ролями. Ради меня она сделала все от нее зависящее, чтобы спасти Дмитрия, а что касается этого бегства, я полностью оказалась в ее руках – и в руках тех, кто помогал ей. Вся моя натура восставала против этого. Я не привыкла, чтобы меня защищали другие, и прежде всего она.

Допросы все еще продолжались, и до Лиссы дело пока не дошло, но что-то подсказывало мне, что мои друзья продумали, как выкрутиться. Им не придется расплачиваться за мое бегство, и в данный момент реальная опасность угрожала мне одной – что было для меня предпочтительнее.

Может, Западная Виргиния и прекрасна, как утверждала Сидни, но собственного мнения составить я не могла, поскольку мы приехали туда в середине ночи. Ощущение было такое, что мы едем по горам – бесконечные туннели, подъемы и спуски напоминали американские горки. Спустя почти три часа мы въехали в маленький захолустный городок с одним-единственным светофором и рестораном, просто и без затей называющимся «Закусочная». Однако на протяжении часа на дороге отсутствовало всякое движение, и на самом деле это было важнее всего: значит, нас не преследовали.

Сидни подъехала к зданию с вывеской «Мотель». По-ви-

димому, если речь шла о названиях, в городке предпочитали обойтись без изысков. Я не удивилась бы, если бы он так и назывался: «Городок». Когда мы шли через парковку, я почувствовала, как затекли ноги. Все тело болело, сама идея сна казалась фантастикой. С начала нашей авантюры прошло уже больше половины суток.

Сидни зарегистрировала нас под вымышленными именами, сонный портье не задал ни единого вопроса. Мы двинулись по коридору, не то чтобы грязному в полном смысле слова, но королевские особы к нему и близко не подошли бы. К стене была прислонена тележка уборщика, как будто кому-то надоело этим заниматься и он просто бросил ее. Сидни остановилась перед дверью номера и вручила нам ключ; видимо, сама она собиралась остановиться в другом номере.

– Мы будем не вместе? – спросила я.

– Если вас схватят, я не хочу оказаться рядом, – ответила она с улыбкой. И конечно, она не хотела спать в одном помещении со «злыми созданиями ночи». – Я буду поблизости. Поговорим утром.

Тут до меня дошло кое-что еще. Я с интересом посмотрела на Дмитрия:

– Мы будем в одном номере?

– Так легче защищаться, – ответила Сидни.

И в типичной для нее резкой манере покинула нас. Мы с Дмитрием поглядели друг на друга, прежде чем войти в номер. Как и все в этом мотеле, номер совсем простенький.

Ковер потертый, но целый; я оценила робкую попытку украсить обстановку с помощью скверной картины, на которой были изображены груши. Маленькое окошко навевало грусть. Постель была одна.

Дмитрий запер дверь на засов и цепочку, после чего опустился в единственное кресло, деревянное, с прямой спинкой; однако Дмитрий, казалось, воспринимал его как самую удобную вещь на свете. Он, как обычно, выглядел настороженным, но я заметила в его лице признаки усталости. Для него это тоже была долгая ночь.

Я села на край постели.

– И что теперь?

– Будем ждать.

– Чего?

– Пока Лисса и остальные выяснят, кто убил королеву, и обелят тебя.

Я ждала дальнейших объяснений, но их не последовало. В душе нарастало недоверие. Все время я проявляла чудеса терпения, надеясь, что Дмитрий ведет меня к какой-то таинственной цели, которая поможет разгадать загадку этого убийства. Говоря, что мы будем ждать, не имел же он в виду, что мы будем просто... ждать?

– Что мы будем делать? – требовательно спросила я. – Как поможем им?

– Мы уже объяснили тебе раньше, что, оставаясь при дворе, ты вряд ли сможешь найти разгадку. Ты должна держать-

ся подальше от него, чтобы быть в безопасности.

Я от изумления даже не сразу нашла что сказать. Потом повела рукой по убогой комнате.

– Что, и это все? Ты собираешься прятать меня здесь? Я думала... Я думала, будет что-то еще... что-то, чтобы помочь...

– Это и есть помощь, – в своей отвратительно спокойной манере ответил он. – Сидни и Эйб нашли это местечко и пришли к выводу, что оно достаточно уединенное и здесь тебя не заметят.

Я вскочила с постели.

– Ладно, товарищ. Все хорошо, жаль только, что вы все продолжаете вести себя так, будто держать меня в стороне – это и есть помощь.

– На самом деле жаль, что нам приходится вести этот разговор снова и снова. Ответ на вопрос, кто убил Татьяну, может быть найден только при дворе, чем твои друзья и занимаются.

– Я не для того участвовала в этом высокоскоростном забеге с препятствиями и пересекла границы нескольких штатов, чтобы торчать в каком-то паршивом мотеле! И сколько ты собираешься держать меня в этом «уединенном месте»?

Дмитрий скрестил на груди руки.

– Столько, сколько понадобится. Средства позволяют нам оставаться здесь сколько угодно.

– Думаю, даже мелочи в моем кармане хватит, чтобы

оставаться здесь сколько угодно! Но этого не произойдет. Я должна делать что-то. Для меня это не выход – сбежать и сидеть сложа руки.

– Уцелеть совсем не так просто, как ты думаешь.

– О господи! – простонала я. – Ты наслушался Эйба? Знаешь, когда ты был стригоем, то советовал мне держаться подальше от него. Может, воспользуешься собственным советом?

Я пожалела о своих словах, едва они сорвались с губ, и увидела в его глазах, что причинила ему сильную боль. Может, во время нашего бегства он и действовал как прежний Дмитрий, но то, что когда-то он был стригоем, все еще терзало его.

– Прости. Я не хотела...

– Мы все уже обсуждали, и не раз, – внезапно охрипшим голосом ответил он. – Лисса хочет, чтобы мы оставались здесь; значит, будем оставаться здесь.

Меня затопила ярость, загасив чувство вины.

– Вот почему ты делаешь это. Потому что Лисса велела?

– Конечно. Я поклялся служить и помогать ей.

Вот тут-то я и сломалась. Уже то было плохо, что, когда Лисса вернула его в состояние дампиря, Дмитрий решил держаться ее, а меня отверг. Неважно, что это я моталась в Сибирь и это я разузнала о брате Виктора Роберте, которому было известно, как обратить стригоя... По-видимому, все это было несущественно. Имело значение лишь то, что кол

держала в руках Лисса, и Дмитрий теперь относился к ней как к какой-то богине и в архаичной рыцарской манере поклялся служить ей.

– Забудь об этом. Я не останусь здесь.

Я сделала в сторону двери три шага и успела снять цепочку, однако Дмитрий мгновенно вскочил со своего кресла и отшвырнул меня к стене. На самом деле его реакция казалась замедленной. Я ожидала, что он остановит меня после того, как я сделаю два шага.

– Ты останешься здесь, – сказал он невозмутимо, сжимая мои запястья. – Нравится тебе это или нет.

У меня был выбор. Я, конечно, могла остаться здесь, могла проторчать в этом мотеле несколько дней – и даже месяцев, – дожидаясь, пока Лисса восстановит мое доброе имя. При условии, что Лисса сможет восстановить мое доброе имя и я не отравлюсь едой из «Закусочной». Самый безопасный вариант. И самый скучный – с моей точки зрения.

Второй вариант сводился к тому, чтобы вырваться из лап Дмитрия; это было и небезопасно, и нелегко. Проблема была и в том, что в сражении с Дмитрием я не хотела убивать его или причинять ему какой-либо вред.

Или я могла просто отбросить всякую осторожность и не сдерживать себя. Черт, этот парень сражался со стригоями и с половиной королевских стражей. Он может выдержать, даже если я выложусь полностью. В Академии Святого Владимира нам вместе приходилось участвовать в нескольких се-

рьезных стычках. Хватит ли у меня умения, чтобы сбежать? Что ж, пора выяснить это.

Я ударила его коленом в живот, чего он явно не ожидал. На мгновение его глаза расширились от удивления – и отчасти от боли, – и я воспользовалась этим, чтобы вырваться. Я даже отодвинула засов, но, прежде чем успела коснуться дверной ручки, Дмитрий снова схватил меня, очень крепко, бросил грудью на постель и навалился всей своей тяжестью, одновременно «пришпилив» мои конечности, чтобы я не могла снова ударить его. Это всегда было моей самой большой проблемой в сражении: противники – обычно мужчины – более тяжелые и более сильные. В таких ситуациях мне помогала скорость, но в той позиции, в какой я оказалась, оставалось лишь изворачиваться. Тем не менее я боролась изо всех сил, и удерживать меня ему было нелегко.

– Прекрати! – шепнул он мне в ухо, почти касаясь его губами. – Будь благоразумна, в виде исключения. Тебе не справиться со мной.

Его прижатое ко мне тело было теплым и сильным, и я мысленно выбрала себя:

«Перестань! Сосредоточься на том, как вырваться, а не на ощущениях».

– Не я одна неблагоразумна, – проворчала я, пытаюсь повернуться лицом к нему. – Ты сам угодил в ловушку благородного обещания, не имеющего никакого смысла. И я знаю – тебе не больше моего нравится бездельничать. Помо-

ги мне. Помоги найти убийцу и сделать хоть что-то полезное.

Я перестала вырываться, притворившись, что отвлечена нашим спором.

– Мне не нравится бездельничать, но мне также не нравится необдуманно бросаться в безнадежные предприятия!

– Безнадежные предприятия – наша специальность, – заметила я.

Тем временем я пыталась оценить, насколько крепко он держит меня. Все-таки он не расслабился, но я надеялась, что разговор отвлечет его. Дмитрий слишком опытен, чтобы утратить над собой контроль. Однако я понимала, что он устал. И может быть – ну вдруг, – он будет чуть менее внимателен, поскольку это я, а не стригой.

Не тут-то было.

Я резко вскинулась, пытаюсь выбраться из-под него, но сумела лишь перевернуться, прежде чем он снова прижал меня, теперь уже спиной, к постели. Так близко к нему... его лицо, губы... тепло его кожи... Да, похоже, я добилась лишь того, что оказалась в еще более невыгодном положении. Близость наших тел явно не производила на него никакого впечатления. На его лице застыло типичное выражение стальной решимости, и хотя это было глупо, хотя я понимала, что не должна чувствовать к нему того, чего он ко мне не чувствовал... Я ничего не могла с этим поделать.

– Один день, – сказал он. – Ты не в состоянии подождать даже один день?

– Может, и в состоянии, если мы переберемся в отель по-симпатичнее. С телевизором.

– Сейчас не время для шуток, Роза.

– Тогда позволь мне делать хоть что-то.

– Я... не могу.

Ему явно больно было говорить это, и я кое-что поняла. Я так злилась на него за то, что он заставляет меня расслабляться без дела и играть в безопасность, а ведь и ему самому это не нравилось. Как могла я забыть, насколько мы похожи? Мы оба жаждали действия, оба хотели приносить пользу, помогать тем, о ком заботимся. Лишь его собственное решение во всем поддерживать Лиссу вынуждало его выполнять эту работу няньки. Он называл мое возвращение ко двору безрассудством, но у меня возникло ощущение, что, если бы я была на попечении его одного – или он бы так думал, – он тоже рванул бы обратно.

Я внимательно разглядывала его – исполненные решимости карие глаза, темно-каштановые волосы, завязанные в хвост; несколько прядей выскользнули из-под резинки и свисали по сторонам лица, слегка касаясь моего. Можно, конечно, попытаться вырваться снова, но в удачу плохо верилось. Он был слишком одержим идеей оберегать меня от всех опасностей. И вряд ли есть смысл высказывать ему мое подозрение о том, что он и сам хотел бы вернуться ко двору. Он готов к тому, что я буду спорить в своем обычном духе. В конце концов, это же Дмитрий. И его ничем не удивить.

Почти.

Идея пришла мне в голову как озарение, и я даже не стала анализировать ее. Я просто действовала. Тело мое он «пришпилил» к постели, но я могла приподнять голову и шею в достаточной степени, чтобы... поцеловать его.

Когда наши губы встретились, я осознала сразу несколько вещей. Первое – что даже его можно застать врасплох. Такой поворот событий заставил Дмитрия напряженно замереть. Второе – я почувствовала, что целуется он ничуть не хуже, чем прежде. В последний раз мы целовались, когда он был стригоем. Это ощущалось сверхъестественно сексуально, но все равно несравнимо с пылом и энергией, присущей живому существу. Его губы были в точности такие, как мне помнилось со времен Академии, – мягкие и настойчивые одновременно. Что-то вроде электрического тока пробило тело, когда он ответил на мой поцелуй; удивительно бодрящее ощущение.

И это было третье, что я поняла, – он ответил на мой поцелуй. Может быть, просто может быть, Дмитрий был не так решительно настроен, как заявлял. Что, если в глубине души, под всем этим чувством вины и уверенностью, что любовь больше для него недоступна, он желал меня? Да, интересно было бы выяснить это. Жаль, времени нет.

Вместо этого я ударила его.

Это правда: я не раз была парней, которые лезли ко мне с поцелуями, но никогда того, с кем хотела целоваться. Дмит-

рий все еще крепко держал меня, но поцелуй притупил его бдительность. Мой кулак с силой врезался ему в челюсть, я изо всех сил оттолкнула его, прыгнула с постели и ринулась к двери. Открывая ее, я слышала, как он поднимается на ноги. Выскочила из номера, захлопнула дверь, придвинула к ней брошенную тележку с моющими средствами и побежала по коридору. Несколько мгновений спустя я слышала звук открываемой двери и сердитый возглас – сопровождаемый очень, очень грубым ругательством по-русски, – когда Дмитрий наткнулся на тележку. Ему хватит нескольких мгновений, чтобы отодвинуть ее, но больше мне и не требовалось. Я промчалась по лестнице и выскочила в маленький вестибюль, где скучающий портье читал книгу; он чуть не выпрыгнул из кресла, когда я пронеслась мимо.

– Какой-то тип гонится за мной! – крикнула я, устремившись к двери.

Портье не был похож на человека, способного хотя бы попытаться остановить Дмитрия, а сам Дмитрий, ясное дело, не станет останавливаться, если его попросят. В большинстве экстремальных ситуаций люди звонят в полицию, но в этом городке полиция, скорее всего, состояла из одного человека и собаки.

Как бы то ни было, все это больше меня не волновало. Я удрала из мотеля и теперь находилась в центре спящего горного городка, чьи улицы утопали во мраке. Может, Дмитрий уже близко, но, нырнув в обнаружившийся неподалеку лес,

я не сомневалась, что сумею затеряться в нем.

Семь

Беда была в том, что я и сама быстро заблудилась в этой темноте.

Жизнь в пустынной местности Монтаны научила меня тому, что ночь может полностью поглотить тебя, стоит отойти от хотя бы крошечных признаков цивилизации. Я даже привыкла кружить по темным лесам. Однако все в округе Академии было мне хорошо знакомо, а леса Западной Виргинии были новой, чужой местностью, и я полностью потеряла ориентацию.

Убедившись, что ушла достаточно далеко от мотеля, я остановилась и огляделась. Ночные насекомые жужжали и стрекотали, в воздухе ощущалась гнетущая летняя влажность. Глядя сквозь листву над головой, я видела сверкающую россыпь звезд на небе – и ни намек на городские огни. Чувствуя себя так, словно мне и впрямь предстоит выживать в дикой местности, я внимательно изучала звезды, пока не отыскала Большую Медведицу, что помогло определиться с направлением на север. Горы, по которым Сидни везла нас, находились на востоке; значит, это направление определенно отпадало. Казалось разумным двинуться на север, выйти на шоссе, связывающее разные штаты, а там либо проголодовать, либо даже пешком выбраться к цивилизации. План не без слабых мест, но и не самый худший.

Одета я была не слишком подходяще для прогулки, но, когда глаза привыкли к темноте, мне удавалось обходить деревья и другие препятствия. Легче, конечно, было бы идти по тропинке – однако Дмитрий наверняка ожидает, что именно так я и поступлю.

Двигаясь неуклонно на север, я постепенно и неосознанно впала в относительно ровный, устойчивый ритм. И подумала, что сейчас неплохо бы проверить Лиссу – времени в моем распоряжении сколько угодно, и нет угрозы ареста. Проникнув в ее сознание, я обнаружила, что она находится в штаб-квартире стражей, сидит в коридоре, в одном из кресел в длинном ряду, где расположились другие морои, включая Кристиана и Ташу.

– Они будут очень придирчиво допрашивать вас, – проворчала Таша. – В особенности тебя. – Это было обращено к Кристиану. – Ты первый, кого бы я заподозрила, если бы что-то взорвалось.

Да, таково было общее мнение. Судя по встревоженному выражению лица Таши, мое бегство удивило ее не меньше, чем меня саму. Даже если мои друзья пока не рассказали ей всю историю, она наверняка сумела сложить вместе разрозненные куски и, по крайней мере, вычислить, кто стоит за всем этим.

Кристиан одарил ее самой очаровательной своей улыбкой – словно ребенок, пытающийся увильнуть, когда его застукали.

– Сейчас они уже наверняка выяснили, что взрыв был осуществлен без помощи магии. Стражи обследовали каждый фрагмент статуй.

Он не стал углубляться в эту тему на людях, однако Лисса мыслила в том же направлении. Стражи уже поняли, что магия не имеет отношения к взрывам. И даже если мои друзья были главными подозреваемыми, власти наверняка задумались – как и я – над тем, где молодые люди смогли достать си-четыре.

Лисса положила ладонь на руку Кристиана.

– Все будет хорошо.

Мысленно она вернулась к Дмитрию и ко мне; ее интересовало, действуем ли мы в соответствии с ее планом. Она не могла в полную силу сосредоточиться на поисках убийцы Татьяны, пока не получила подтверждение, что мы в безопасности. Как и для меня, решиться на вариант моего побега из тюрьмы ей было нелегко: не исключено, что на свободе я могу оказаться в большей опасности, чем под замком. Она выглядела взвинченной и раздраженной, что не слишком мне нравилось.

«Еще бы, она использовала слишком много духа», – сообщила я.

В Академии она обуздывала себя с помощью медикаментов, а позже – исключительно путем самоконтроля. Однако по мере усложнения ситуации Лисса все больше и больше давала себе послабление. В последнее время она черпала энер-

гию духа просто в огромных количествах, это однозначно. Раньше или позже это по-настоящему плохо скажется на ней. На нас обеих.

– Принцесса? – Из двери напротив Лиссы выглянул страж. – Мы готовы поговорить с вами.

Страж отступил, и Лисса услышала, как знакомый голос произнес в комнате:

– С вами всегда так приятно беседовать, Ганс. Нужно встречаться время от времени.

Появился Эйб, самодовольный, как всегда. Пройдя мимо стража, он улыбнулся Лиссе и Кристиану с победоносным видом, который отчетливо говорил: «Все в полном порядке», и без единого слова зашагал к выходу.

Лисса с трудом сдержала улыбку, напустила на себя серьезный вид и вместе со своими спутниками вошла в комнату. Перед ней за столом сидели три стража. Одного я видела лишь издали, по-моему, его звали Стил. Двух других я знала хорошо. Ганс Крофт, глава придворных стражей. Рядом с ним – к моему удивлению – сидела Альберта; в Академии Святого Владимира она руководила стражами и новичками.

– Отлично, – проворчал Ганс. – Все в сборе.

Кристиан настоял, что будет присутствовать на допросе Лиссы; Таша настояла на том же в отношении его. Если бы Эйб точно знал, когда их будут допрашивать, он, скорее всего, пошел бы с ними, вместе с моей матерью.

Лисса, Кристиан и Таша уселись напротив стражей.

– Страж Петрова, – заговорила Лисса, не обращая внимания на осуждающий взгляд Ганса. – Что вы здесь делаете?

Альберта еле заметно улыбнулась Лиссе, в остальном сохраняя обычную для стражей невозмутимость.

– Я приехала на похороны, и страж Крофт высказался в том духе, что ему было бы интересно услышать во время этого расследования мнение постороннего.

– И не просто постороннего, но хорошо знающего Хэзевей и ее... мм... союзников, – добавил Ганс. Он из тех, кто предпочитает переходить сразу к сути дела. – Предполагалось, что это будет встреча только с вами, принцесса.

– Мы будем молчать как рыбы, – сказал Кристиан.

Выражение лица Лиссы оставалось спокойным и вежливым, но голос слегка дрожал.

– Я хочу помочь... Я была так... так ошеломлена всем, что произошло.

– Не сомневаюсь, – сухо заметил Ганс. – Где вы были, когда взорвались статуи?

– В похоронной процессии. В королевском эскорте.

Перед Стиллом лежала стопка бумаги.

– Это правда. Имеется множество свидетелей.

– Замечательно. А потом? Куда вы пошли, когда толпа запаниковала?

– Обратно в здание Совета, туда же, куда и все остальные. Я подумала, это самое безопасное место. – Ее лица я видеть не могла, но чувствовала, что она старается выглядеть испу-

ганной. – Это страшно – когда мир сходит с ума.

– Есть свидетели, подтверждающие и это, – заметил Стил. Ганс забарабанил пальцами по столу.

– Вы знали что-нибудь о том, что должно произойти? О взрывах? О бегстве Хэзевей?

Лисса покачала головой.

– Нет! Понятия не имела. Я вообще не думала, что из этой тюрьмы можно сбежать. Там ведь так много охраны!

– Между вами ведь существует эта... связь? – продолжал допытываться Ганс. – С ее помощью вы никаких намеков не уловили?

– Наша связь односторонняя, – объяснила Лисса. – Она читает мои мысли, а я ее нет.

– Это правда, – высказалась наконец Альберта.

Ганс не стал опровергать ее слова, но по-прежнему явно не верил в невиновность моих друзей.

– Вы осознаете, что если утаиваете какую-то информацию или помогали Хэзевей – и это будет доказано, – то последствия для вас будут почти столь же печальны, как для нее? Это относится ко всем вам. Принадлежность к королевской семье не защищает от обвинения в измене.

Лисса опустила взгляд, как будто испугавшись его угроз.

– Я просто поверить не могу... поверить не могу, что она сделала это. Мы же с ней подруги. Я думала, что знаю ее. Мне никогда и в голову не приходило, что она может кого-то убить.

Если бы не ее чувства, которые я ощущала через связь, то могла бы и обидеться. Но я понимала, что таким образом она старается дистанцироваться от меня. Умно.

– Правда? А ведь совсем недавно вы повсюду клялись, что она невиновна, – заметил Ганс.

Лисса посмотрела на него, широко распахнув глаза.

– Я так и думала! Но потом... когда я услышала, как она обошлась со стражами во время своего бегства...

На этот раз ее огорчение не было полностью наигранным. Да, она считала нужным вести себя так, будто уверена в моей виновности, но когда новость о состоянии Мередит дошла до нее... Да, она действительно была потрясена. Как и я, впрочем; хотя я, по крайней мере, знала, что Мередит поправится.

Ганс все еще воспринимал скептически ее «переход на другую сторону», но оставил эту тему.

– А что насчет Беликова? Вы клялись, что он больше не стригой, но, видно, и здесь что-то пошло не так.

Кристиан рядом с Лиссой заелозил на месте. Его, постоянно защищавшего Дмитрия, эти подозрения и обвинения раздражали все больше и больше. Лисса заметила это и заговорила сама, не дав ему сказать ни слова:

– Он не стригой!

От раскаяния Лиссы не осталось и следа, Дмитрия она была готова защищать с прежним неистовством. Она никак не ожидала, что допрос свернет в эту сторону, готовилась от-

стаивать меня и свое алиби. Явно довольный такой ее реакцией, Ганс пристально наблюдал за ней.

– Тогда как вы объясните, что он оказался в это замешан?

– Уж точно не потому, что он стригой, – ответила Лисса, снова стараясь взять себя в руки; сердце у нее колотилось часто-часто. – Он изменился. В нем ничего не осталось от стригоя.

– Но он напал на стражей... и не раз.

Судя по выражению лица Таши, она хотела вмешаться и тоже защитить Дмитрия, но прикусила губу. Поразительно. «Что на уме, то и на языке» – это относилось к обоим Озера.

– Не потому, что он стригой, – повторила Лисса. – И он не убил ни одного стража. Роза сделала то, что сделала... ну, не знаю почему. Может, потому что ненавидела Татьяну. Это всем известно. Но Дмитрий... Говорю вам, то, что он был стригоем, не имеет к этому никакого отношения. Он помогал ей, потому что раньше был ее наставником и думал, что она попала в беду.

– Это крайность для наставника, в особенности такого, который – до превращения в стригоя – был известен своей уравновешенностью и рационализмом.

– Да, но он не мог рассуждать рационально, потому что...

Лисса оборвала себя, внезапно осознав, что влипла. Ганс, казалось, быстро сообразил, что даже если Лисса имела отношение к недавним событиям – в чем он отнюдь не был уверен, – то она обеспечила себе непробиваемое алиби. Разго-

вор с ней, однако, давал ему возможность разгадать другую головоломку: участие в моем бегстве Дмитрия. Дмитрий пошел на то, чтобы замкнуть все на себя, даже если это сулило окончательную утрату доверия к нему. Лисса рассчитывала убедить остальных, что его действия объясняются защитными инстинктами бывшего наставника, но, как выяснилось, этот номер проходил не со всеми.

– Почему он не мог рассуждать рационально? – продолжал давить Ганс, не спуская с нее проницательного взгляда.

Перед самым убийством королевы Ганс поверил, что Дмитрий снова стал вампиром. Что-то подсказывало мне – он по-прежнему так считал, но чувствовал, что за всем этим кроется нечто гораздо большее.

Лисса молчала. Она была против того, чтобы люди считали Дмитрия стригоем; она хотела, чтобы они верили – в ее силах возвращать к жизни не-мертвых. Однако если идея того, что Дмитрий просто помогал своей бывшей студентке, кажется неубедительной, то подозрения в отношении его снова всплывают на поверхность.

Внезапно Лисса встретила взглядом с Альбертой. Та молчала, внимательно оглядывая присутствующих, – как все стражи. На ней также лежала печать мудрости, и Лисса воспользовалась магией духа, чтобы увидеть ауру Альберты. Та казалась хорошей – цвета и энергия спокойные; более того, в глазах Альберты Лисса прочла вспышку понимания и... усмотрела подсказку.

«Расскажи им, – говорили глаза Альберты. – Это создаст новые проблемы, но гораздо менее тяжелые, чем теперешние».

Лисса не сводила с нее взгляда, пытаясь вычислить, не приписывает ли Альберте собственные мысли. Ну какая разница, кому принадлежит идея? Лисса понимала, что она верна, и это главное.

– Дмитрий помогал Розе, потому что... потому что у них были... отношения.

Альберта, как я и предполагала, не удивилась; более того, явно испытывала облегчение оттого, что истина вышла наружу. Вот кто был поражен, так это Ганс и Стил.

– Говоря «отношения», вы имеете в виду... – Ганс помолчал, подбирая слова. – Вы имеете в виду романтические отношения?

Лисса кивнула. Она чувствовала себя ужасно – ведь она только что открыла секрет, который поклялась мне хранить; но я не обвиняла ее – в такой-то ситуации. Любовь – надеялась я – послужит достаточным оправданием поведению Дмитрия.

– Он любил ее, – продолжала Лисса. – И она любила его. Если он помог ей сбежать...

– Он действительно помог ей сбежать, – прервал ее Ганс. – Напал на стражей, взорвал бесценные, привезенные из Европы статуи, которым несколько веков!

Лисса пожала плечами.

– Я же сказала – он не мог рассуждать рационально. Видимо, считал ее невиновной и хотел помочь. Он сделал бы для нее все – и это никак не связано с тем, что он был стригоем.

Ганс явно не принадлежал к романтикам.

– Любовь не оправдывает все это.

– Она же несовершеннолетняя! – воскликнул Стил.

– Ей восемнадцать, – поправила его Лисса.

Ганс бросил на нее острый взгляд.

– Я умею считать, принцесса. Если только между ними не разгорелся прекрасный, трогательный роман на протяжении нескольких последних недель – большую часть которых Дмитрий провел в изоляции, – значит, он завязался еще в ваши школьные годы, что выходит за всякие рамки.

Лисса молчала, уголком глаза поглядывая на Ташу и Кристиана. Они силились сохранять безучастное выражение на лицах, но было очевидно, что новость не удивила их, и это лишь подтверждало подозрения Ганса о том, что имело место нарушение закона и порядка. Я вообще-то не думала, что Таша знала обо мне и Дмитриии, и почувствовала себя... не очень хорошо. Знала ли она также, что в какой-то степени он отверг ее из-за меня? И если да, то сколько еще людей знали? Кристиан, наверное, кое-что рассказал ей, но что-то подсказывало мне, что и другие люди начинали догадываться. Достаточно вспомнить мою реакцию после нападения стригоев на Академию. Может, посвятить в эту тайну и Ганса было не такой уж плохой идеей. Ясно же, наш секрет не долго оста-

нется секретом.

Альберта откашлялась и заговорила:

– Думаю, у нас сейчас есть более важные причины для беспокойства, чем чьи-то романтические отношения.

Стил бросил на нее укоризненный взгляд и хлопнул ладонью по столу.

– Это в высшей степени серьезно, неужели не понятно?

– Я понимаю одно – мы отвлекаемся от сути дела, – ответила она. Альберта лет на двадцать старше Стила; взгляд, которым она его одарила, откровенно говорил, что он ведет себя как ребенок. – Мне казалось, мы здесь, чтобы выяснить, были ли у мисс Хэзевей сообщники, а не для того, чтобы ворошить прошлое. Пока мы можем с уверенностью утверждать, что единственный, кто помогал ей, – это Беликов, движимый абсурдным чувством привязанности. В результате он стал беглецом, что, конечно, глупо; но все это никак не доказывает, что он стригой.

Я никогда не воспринимала свои взаимоотношения с Дмитрием как «абсурдное чувство привязанности», однако доводы Альберты были услышаны. Что-то в выражении лиц Ганса и Стила подсказывало мне, что совсем скоро о нас будут знать все на свете, но это ничто по сравнению с убийством. И это означает, что если Дмитрия схватят, то не заколют, как стригоя, а всего лишь посадят в тюрьму. Ха-ха, всего лишь! Слабое утешение.

Допрос Лиссы продолжался еще какое-то время; в кон-

це концов стражи решили, что, по крайней мере, к моему бегству она не имеет никакого отношения. Она прекрасно разыгрывала удивление, смятение и даже сумела выжать несколько слезинок по поводу того, как сильно ошиблась во мне. Она также применила совсем чуть-чуть принуждения – не с целью промывания мозгов, но вполне достаточно, чтобы возмущение Стила сменилось сочувствием. Прочесть реакцию Ганса было труднее; когда мои друзья уходили, он напомнил Таше и Кристиану, что разговор с каждым из них еще впереди и желательно с глазу на глаз.

Следующим в коридоре ждал своей очереди Эдди. Лисса улыбнулась ему, вполне по-дружески, без намека на какой-то заговор между ними. Тут как раз Эдди вызвали в комнату на допрос. Лисса волновалась за него, но я знала, что самообладание стража позволит ему удержаться строго в рамках заготовленной версии. Скорее всего, лить слезы, как Лисса, он не станет, но будет не менее шокирован моей «изменой», чем она.

Таша рассталась с Лиссой и Кристианом, как только они оказались в коридоре, напомнив им, что надо соблюдать осторожность.

– Пока все вроде бы идет как надо, но мне не кажется, что стражи полностью сняли с вас подозрение. В особенности Ганс.

– Между прочим, я в состоянии сам позаботиться о себе! – заявил Кристиан.

Таша закатила глаза.

– Да, я вижу, что происходит, если предоставить тебя самому себе.

– Слушай, не надо злиться из-за того, что мы не рассказывали тебе. Во-первых, у нас времени не было, а во-вторых, мы не хотели без крайней необходимости впутывать кого-то еще. Кроме того, вспомни, ты сама предлагала раньше безумные планы.

– Это правда, – согласилась Таша; кто-кто, а она никогда не была образцом для подражания, если речь заходила о том, чтобы играть по правилам. – Просто все так усложнилось – Роза в бегах, а теперь и Дмитрий...

Она вздохнула, не закончив фразы, но я и без того догадывалась, о чем она думает. При виде глубокой печали в ее глазах я почувствовала укол вины. Как и все мы, Таша страстно желала, чтобы Дмитрий восстановил свою репутацию. Однако его помощь в побеге той, кому официально предъявили обвинение в убийстве королевы, почти лишало его такого шанса. Я и сама не хотела его впутывать; может, мое нынешнее бегство еще окупит себя.

– Все устроится, – сказал Кристиан. – Вот увидишь.

Уверенным, однако, он не выглядел, и Таша улыбнулась ему.

– Просто будь осторожен, пожалуйста. Не хочу увидеть в камере и тебя. Вокруг творится такое, что у меня нет времени ходить на свидания в тюрьму. – Ее улыбка угасла, она сно-

ва была полна решимости без обиняков говорить все, что думает. – Наша семья оскандалилась в глазах всех. Можешь поверить, они собираются выдвинуть Эсмонда в качестве кандидата! Господи боже! У нас уже случилась не одна трагедия, только этого не хватало.

– Не знаю никакого Эсмонда, – сказал Кристиан.

– Идиот, – сухо бросила Таша. – В смысле, он, не ты. Кто-то в нашей семье должен рассуждать здраво, если мы не хотим ставить себя в ложное положение.

Кристиан усмехнулся.

– Позволь высказать предположение: ты как раз и есть этот «кто-то»?

– Конечно. И я уже заготовила список весьма достойных кандидатов, – ответила она с озорным блеском в глазах, поворачиваясь к выходу.

Кристиан проводил ее взглядом. По прошествии многих лет на их семье все еще лежало позорное пятно того, что его родители добровольно стали стригоями. Таша мирилась с этим с большей легкостью – несмотря на ее нытье, – поскольку такое положение давало ей возможность участвовать в принятии важных для семьи Озера решений. Кристиан даже не пытался ни к кому подлаживаться. Происшедшее было достаточно ужасно, чтобы с ним обращались хуже, чем с любым другим мороем, чтобы не иметь стражей и всего о стального, полагающегося членам королевских семей. Но встречать такое же отношение со стороны собственных род-

ных? Это особенно его тяготило.

– Они в конце концов изменяют свое мнение, – предположила Лисса с оптимизмом, которого на самом деле не испытывала.

Если Кристиан и собирался ответить, то не успел, поскольку к ним пристроился новый спутник: мой отец. Его неожиданное появление напугало обоих, но я нисколько не удивилась. Зная, что Лиссу допрашивают, он, скорее всего, болтался неподалеку, дожидаясь возможности поговорить с ней.

– Хорошо на воздухе, – любезно заметил Эйб, поглядывая на деревья и цветы с таким видом, словно они втроем просто прогуливались по территории двора. – Но будет жарко, когда взойдет солнце.

Тьма, ставшая для меня помехой в лесу Западной Виргинии, создавала приятную «полуденную» обстановку для тех, кто жил по вампирскому расписанию. Лисса искоса взглянула на Эйба, на его яркую зеленовато-голубую рубашку под бежевой спортивной курткой.

Притворная несерьезность Эйба заставила ее усмехнуться. Такая уж у него была привычка – начинать со светской беседы, прежде чем перейти к более важным темам.

– Вы здесь не для того, чтобы рассуждать о погоде.

– Стараюсь быть вежливым, только и всего. – Он смолк, дожидаясь, пока мимо пройдут две морейские девушки, и потом спросил, понизив голос: – Надеюсь, все прошло хоро-

шо?

– Просто прекрасно.

Она, конечно, не стала посвящать его в инцидент с «абсурдным чувством привязанности», поскольку понимала, что он печется об одном – чтобы ни на кого из них не пало и тени подозрения.

– Сейчас стражи допрашивают Эдди, – сообщил Кристиан. – И хотят позже заняться мной, но, думаю, это относится ко всем нам.

Лисса вздохнула.

– По правде говоря, у меня такое чувство, что этот допрос не так уж опасен по сравнению с тем, что нам предстоит.

Она имела в виду, что они должны вычислить настоящего убийцу Татьяны.

– Шаг за шагом, не все сразу, – пробормотал Эйб. – Не стоит поддаваться унынию, пытаюсь одним взглядом объять необъятное. Мы пока в самом начале.

– В том-то и проблема. – Лисса раздраженно отпихнула лежащую на мостовой ветку. – Я даже понятия не имею, с чего начать. Убийца Татьяны ловко замел свои следы и поставил Розу.

– Шаг за шагом, шаг за шагом, – повторил Эйб.

Он говорил в этой своей лукавой манере, которая иногда раздражала меня, но сегодня допекла и Лиссу. До сих пор вся ее энергия была сосредоточена на том, чтобы вытащить меня из тюрьмы и отправить в безопасное место.

Теперь, когда эта часть задачи была выполнена и напряжение отчасти схлынуло, тяжесть всей ситуации в целом обрушилась на нее. Почувствовав ее тревогу, Кристиан обхватил ее рукой за плечи и очень серьезным тоном заговорил с Эйбом.

– У вас есть какие-нибудь идеи? До сих пор у нас нет ни одной сколько-нибудь серьезной улики.

– Зато возникают кое-какие обоснованные предположения, – ответил Эйб. – К примеру, убийца Татьяны имел доступ в ее личные покои. Список таких людей невелик.

– Но и не так уж мал. – Загибая пальцы, Лисса начала перечислять: – Королевские стражи, ее друзья, родные... и это при условии, что никто не подменил записи стражей о ее посетителях. И, насколько нам известно, некоторых гостей вообще никогда не отмечали в журнале. Думаю, у нее не раз бывали тайные деловые встречи.

– Что это за деловые встречи в спальне, в ночной рубашке? – задумчиво произнес Эйб. – Конечно, смотря что разуметь под делами.

Лисса внезапно остановилась: ее пронзила догадка.

– Эмброуз.

– Кто?

– Дампир... по-настоящему красивый... У них с Татьяной были... мм...

– Отношения? – с улыбкой, намекающей на недавний допрос, подсказал Кристиан.

Теперь остановился Эйб. Их с Лиссой взгляды встретились.

– Я видел его. Типичный дамский угодник.

– Он точно имел доступ в ее спальню, – сказала Лисса. – Но я просто не могу... ну, не знаю. Не могу представить, чтобы он сделал такое.

– Внешность обманчива, – заметил Эйб. – Он проявлял большой интерес к Розе в зале суда.

Теперь по-настоящему удивилась Лисса.

– О чем вы?

Эйб этим своим жестом злодея поглаживал подбородок.

– Он разговаривал с ней... или подал какой-то сигнал. Точно не знаю, но как-то они контактировали, несомненно.

Умный, наблюдательный Эйб. Заметил, что Эмброуз сунул мне записку, но не в полной мере осознал, что произошло.

– Значит, нужно поговорить с ним, – заключил Кристиан.

Лисса кивнула. В душе у нее бурлили противоречивые чувства. Волнение и радость из-за того, что появилась хоть какая-то ниточка, – и огорчение, поскольку это означало, что добрый, мягкий Эмброуз оказывается под подозрением.

– Я займусь этим, – беззаботно сказал Эйб.

Она остановила на нем тяжелый взгляд. Выражения ее лица я не видела, зато заметила, как Эйб непроизвольно сделал шаг назад и в его глазах вспыхнуло удивление. Даже Кристиан вздрогнул.

– И я хочу быть там, – заявила она решительно. – Предупреждаю вас, никаких безумных допросов с пытками без меня.

– Вы хотите присутствовать при пытках? – спросил Эйб, приходя в себя.

– Никаких пыток не будет. Мы просто поговорим с Эмброузом как цивилизованные люди, понимаете?

Она снова вперила в него твердый взгляд, и в конце концов Эйб, уступая, пожал плечами с таким видом, как будто подчиниться женщине вдвое младше него – обычное дело.

– Прекрасно. Мы сделаем это вместе.

Лисса не очень-то поверила в его готовность, и он почувствовал это.

– Так и будет, – добавил Эйб, продолжив путь. – Это подходящее время – как практически любое другое – для расследования. С приближением выборов монарха во дворе начнется суматоха. Появятся новые люди, а здешний народ будет очень занят.

Густо насыщенный влагой ветер взъерошил волосы Лиссы. В нем чувствовалось обещание жаркого дня – как и предсказывал Эйб. Лисса подумала, что лучше пораньше лечь в постель.

– Когда должны состояться выборы? – спросила она.

– Как только наконец упокоят дорогую Татьяну. События обычно происходят быстро. Правительство должно снова заработать. Ее похоронят завтра на церковном кладбище со

всеми формальностями, но повторения процессии не будет. Волнение еще не улеглось.

Я испытала неприятное чувство из-за того, что церемония похорон пройдет в сокращенном варианте. С другой стороны, если в результате будет найден истинный убийца... думаю, Татьяна предпочла бы такой вариант.

– Как только похороны состоятся и начнутся выборы, – продолжал Эйб, – все королевские семьи, пожелавшие выдвинуть кандидата на корону, – и, конечно, все они пожелают, – сделают это. Вы никогда не видели выборов монарха? Это целый спектакль. Естественно, еще до проведения голосования все кандидаты должны пройти испытание.

В том, как он сказал «пройти испытание», было что-то зловещее, но в этот момент мысли Лиссы были далеко. Никакой другой королевы, кроме Татьяны, она не знала, и на нее обрушилась вся тяжесть осознания того, что предстоит смена власти.

– Новый монарх может повлиять на все, к добру или к худу. Надеюсь, это будет кто-нибудь достойный. Может, из семьи Озера. – Она с надеждой посмотрела на Кристиана, но он лишь пожал плечами. – Или Ариана Селски. Мне она нравится. Хотя вряд ли мое мнение имеет значение, – с горечью добавила она, – ведь я не могу голосовать.

Монарха выбирает Совет; значит, и в этом вопросе она останется в стороне.

– Выдвижение кандидатур – сложная процедура, – заме-

тил Эйб, оставив без ответа ее последнее замечание. – Все семьи будут стремиться подобрать того, кто станет отстаивать их интересы, но одновременно имеет шанс получить большинство голосов...

– Ой!

Меня грубо выдернули из расчетливого мира морской политики назад, в леса Западной Виргинии, – и очень болезненным способом. Что-то твердое отбросило меня на плотно слежавшуюся землю, листья и ветки царапали лицо. Сильные руки держали крепко, и голос Дмитрия заговорил в ухо:

– Лучше было бы спрятаться где-нибудь в городе. – Чувствовалось, что он отчасти забавляется. Придавленная его тяжестью, я не могла двинуться. – Это последнее место, где я стал бы искать. А так получилось, что я точно знал, куда ты побежала.

– Нечего строить из себя умника... – пробормотала я сквозь стиснутые зубы, пытаясь вырваться.

Черт побери! Он и впрямь умный. И снова наша близость вводила в заблуждение. Раньше она, похоже, действовала и на него, но, по-видимому, он усвоил этот урок.

– Ты просто удачно угадал, вот и все.

– Мне не требуется удача, Роза. Я всегда найду тебя. Все зависит от того, насколько ты хочешь усложнить себе жизнь. – Он говорил легким тоном, делающим всю ситуацию еще более нелепой. – Мы можем повторять все это снова и снова – или ты будешь благоразумна и просто останешься со

мной и Сидни.

– Это не благоразумие! Это беспечность и расточительство!

Он вспотел – и от жары, и оттого, что наверняка быстро бежал, догоняя меня. Адриан пользовался одеколоном, от которого у меня всегда кружилась голова, но естественный запах теплой кожи Дмитрия опьянял тоже. Просто удивительно, что я по-прежнему замечала эти мелочи, хотя вполне обоснованно продолжала злиться на него за то, что он держит меня в плену. Может, злость действовала на меня возбуждающе?

– Сколько раз мне придется объяснять логику того, что мы делаем? – раздраженно спросил он.

– Пока не уступишь.

Я снова попыталась освободиться, с тем лишь результатом, что наши тела оказались еще плотнее прижаты друг к другу. Возникло чувство, что на этот раз фокус с поцелуем не сработает.

Он рывком поднял меня на ноги, заведя руки за спину и крепко держа их. Пространства для маневра было лишь чуть-чуть больше, чем пока я лежала на земле, – но явно недостаточно, чтобы освободиться. Он медленно повел меня обратно.

– Я не допущу, чтобы ты и Сидни подвергали себя риску из-за меня. Я сама о себе позабочусь, просто отпусти меня!

Ему приходилось чуть ли не волочить меня. Увидев вы-

сокое, тонкое дерево, я зацепилась за него ногой. Мы остановились.

Дмитрий застонал и переместил руки, пытаясь отодрать меня от дерева. Я тут же рванулась, но не сделала и двух шагов, как он снова схватил меня.

– Роза, ты не можешь победить, – устало сказал он.

– Как лицо, болит? – спросила я.

В густом полумраке никаких следов моего удара видно не было, но я не сомневалась, что завтра появится синяк. Стыдно было уродовать его лицо таким образом, но ничего, он поправится, и, может, это преподаст ему урок, что не стоит связываться с Розой Хэзевей.

А может, и нет. Он снова потащил меня.

– Учти, будешь еще рыпаться, я закину тебя на плечо.

– Ну-ну, попробайся, – ответила я. – Интересно будет посмотреть.

– Что, по-твоему, будет чувствовать Лисса, если тебя убьют? – Он сильнее сжал руки; казалось, ему хочется хорошенько встряхнуть меня – так сильно он был расстроен. – Попробуй представить, каково это будет для нее – потерять тебя.

На мгновение я растерялась. Я не хотела умирать, но рисковать моей жизнью именно это и означало: рисковать моей жизнью, а не жизнью кого-то другого. И однако я понимала, что он прав. Моя смерть окажет на Лиссу разрушительное действие. Тем не менее... я должна была рискнуть.

– Надо верить, товарищ. Я не погибну, – упрямо заявила я.

Это был явно не тот ответ, которого он хотел.

– Есть другие возможности помочь ей, помимо твоих безумных планов.

Внезапно я перестала упираться. Дмитрий споткнулся, захваченный врасплох отсутствием сопротивления.

– Что такое? – спросил он, удивленно и подозрительно.

Я устремила взгляд в ночь, ничего не видя. Перед моим внутренним взором снова возникли неспешно идущие Лисса и Эйб, припомнилось охватившее ее чувство бессилия, желание обрести право голоса. В ушах, казалось, зазвучал голос Татьяны.

«Она – не последняя из Драгомиров. Есть еще один».

– Ты прав, – сказала я наконец.

– Прав в чем?

Дмитрий совершенно растерялся – обычная реакция, если я соглашалась с разумными доводами.

– Мое возвращение ко двору не поможет Лиссе.

Молчание. Я не могла видеть выражение его лица, но уверена – он был шокирован.

– Я пойду с тобой в мотель и не стану больше предпринимать попыток вернуться.

Еще один Драгомир. Нужно найти этого второго Драгомира. Я сделала глубокий вдох.

– Но я не собираюсь сидеть сложа руки. Я хочу кое-что

сделать для Лиссы – и вы с Сидни поможете мне.

Восемь

Как выяснилось, я ошибалась, посчитав, что местная полиция состоит из одного человека и собаки. Вернувшись в мотель, мы с Дмитрием увидели на парковке машину с красно-голубой мигалкой и несколько человек из числа местных жителей, интересующихся, что произошло.

– Весь город собрался, – заметила я.

Дмитрий вздохнул.

– Просто дай какое-нибудь объяснение портье, ладно?

Мы остановились на некотором расстоянии от мотеля, прячась в тени какого-то обветшалого здания.

– Я думала, это тебя задержит.

– А теперь это задержит нас. – Он бросал взгляды по сторонам, в свете мигающих огней вникая в детали происходящего. – Машины Сидни нет. Хоть кое-что.

Моя самоуверенность угасла.

– И что хорошего? Нам просто не на чем ехать!

– Она нас не бросит, но у нее хватило ума уехать до того, как полиция постучалась в ее дверь. – Он повернулся и внимательно оглядел главную улицу. – Пошли. Она наверняка где-то рядом, и полицейские могут начать обыскивать все вокруг, если не разуверятся в том, что какую-то незащищенную девушку преследуют.

То, каким тоном он сказал «беззащитную», говорило о

многом.

Дмитрий принял решение вернуться на дорогу, по которой мы въехали в город, посчитав, что Сидни захотела уехать отсюда после того, как я скомпрометировала наше прикрытие. Появление полиции могло создать новые сложности, но меня не терзало содеянное. Сейчас я думала только о плане, озарившем меня в лесу. И, как обычно, жаждала приступить к его выполнению немедленно. Если своими действиями я поспособствовала тому, что мы уберемся из этой дыры, так даже лучше.

Интуиция не подвела Дмитрия. Примерно в полумиле от города мы заметили на обочине внедорожник. Двигатель был выключен, фары погашены, но мое острое зрение позволило разглядеть луизианский номер. Зайдя со стороны водителя, я постучала в окно. Сидящая внутри Сидни вздрогнула и опустила стекло, сердито глядя на меня.

– Что вы вытворяете? Ладно, неважно. Залезайте.

Мы с Дмитрием подчинились. Под осуждающим взглядом Сидни я чувствовала себя капризным ребенком. Без единого слова она завела мотор, поехала в сторону от города и в конце концов выбралась на шоссе, ведущее к междуштатной автостраде. Это вселяло надежду. Вот только, проехав несколько миль, она снова съехала с шоссе, на этот раз в каком-то пустынном, темном месте.

Заглушив двигатель, она обернулась и уставилась на меня, сидящую сзади.

– Ты сбежала?

– Да, но я...

Сидни вскинула руку.

– Не надо объяснений. Пока. Жаль, что ты не сумела сбежать, не привлекая внимания властей.

– Мне тоже, – вставил Дмитрий.

Я сердито посмотрела на обоих.

– Но я ведь вернулась.

В ответ Дмитрий выгнул дугой бровь, как бы ставя под сомнение, что я сделала это добровольно.

– И теперь я знаю, что нам нужно сделать, чтобы помочь Лиссе, – закончила я.

– Что нам нужно сделать, так это найти безопасное место и оставаться там, – заявила Сидни.

– Для начала давайте вернемся к цивилизации и поищем отель. Такой, в котором номера обслуживаются. Мы сможем сделать его своим оперативным штабом, пока будем разрабатывать план дальнейших действий.

– Мы тщательно обследовали этот городок! – воскликнула она. – И не можем поехать в какое-то место наугад – по крайней мере, поблизости. Сомневаюсь, что они зафиксировали мой номер, но могут организовать поиски машины по ее внешнему виду. Если они сделают это да еще добавят наши описания и если это дойдет до полиции штата и, значит, до алхимиков, тогда...

– Успокойся. – Дмитрий коснулся ее руки. В этом жесте

не было ничего интимного, но меня пронзило чувство ревности, в особенности после грубой страсти, с которой он тащил меня по лесу. – Откуда нам знать, произойдет все это или нет? Почему бы просто не позвонить Эйбу?

– Да, – угрюмо ответила она. – Это как раз то, чего я хочу, – сообщить ему, что не прошло и двадцати четырех часов, как я провалила весь план.

– Если от этого ты почувствуешь себя лучше, могу сказать, что план в самое ближайшее время будет пересмотрен...

– Помолчите! – взорвалась она. – Оба. Мне нужно подумать.

Мы с Дмитрием обменялись взглядами, но послушались. Когда я сказала ему, что знаю способ помочь Лиссе, он явно был заинтригован. Я понимала – сейчас его интересуют детали, но сначала нужно было уладить вопрос с Сидни.

Она включила свет в кабине и развернула бумажную карту штата. Некоторое время изучала ее, снова сложила и устремила взгляд в пространство. В конце концов испустила этот свой горестный вздох, погасила внутренний свет и, заведя двигатель, набрала на GPS-навигаторе: Алтсвуд, Западная Виргиния.

– Что там в Алтсвуде? – спросила я, разочарованная тем, что она не ввела что-нибудь вроде Атлантик-Сити.

– Ничего, – ответила она, выруливая на дорогу. – Просто по навигатору это самый ближний город.

Фары проезжающего мимо автомобиля на мгновение осветили Дмитрия, и я разглядела на его лице выражение любопытства. Прекрасно. Теперь не только меня не посвящают в курс дела. Согласно GPS, до места нашего назначения было полтора часа езды. Дмитрий, однако, не стал задавать вопросов относительно выбора Сидни, а обратился ко мне:

– Так что там насчет Лиссы? В чем состоит твой грандиозный план? – Он бросил взгляд на Сидни. – Роза говорит, мы должны сделать кое-что важное.

– Это я поняла, – сухо ответила Сидни.

Дмитрий с выжидательным видом перевел взгляд на меня.

Я сделала глубокий вдох. Пришло время раскрыть секрет, который я хранила со времени слушания.

– Ну... мм... оказывается, у Лиссы есть брат или сестра. Думаю, мы должны найти его.

Мне удалось сказать это спокойно и даже небрежно, хотя сердце перевернулось в груди. У меня было много времени, чтобы обдумать записку Татьяны, но произнесение этих слов вслух делало их реальными в каком-то совсем особом смысле. До меня как будто только что дошло, что на самом деле означает эта информация и как она может изменить все.

Мое потрясение, однако, было ничто по сравнению с тем, что испытали остальные. Один – ноль в пользу Розы и эффекта неожиданности. Сидни открыла рот, не скрывая своего потрясения. Даже Дмитрий, похоже, был поражен.

Стоило им прийти в себя, стало заметно, что они готовы протестовать. Будут требовать доказательств или просто отметут идею как нелепую. Я начала действовать, не дожидаясь их возражений. Достала записку Татьяны, прочла ее вслух и передала Дмитрию. Рассказала о моем общении с призраком королевы, о том, как ее беспокойный дух подтвердил истинность всего, о чем говорилось в записке. Увы, скепсиса у моих спутников не убавилось.

– У тебя нет доказательств, что эту записку писала Татьяна, – заявил Дмитрий.

– У алхимиков нет сведений ни о каком другом Драгомире.

Именно этого я от обоих и ожидала. Дмитрий во всем и всегда предполагает обман или ловушку. Ставит под подозрение информацию, не подкрепленную вескими доказательствами. Сидни живет в мире фактов и свято верит в алхимиков с их всеобъемлющей информацией. Если алхимики в чем-то сомневаются, сомневается и она. Доказательство, основанное на встрече с призраком, их не убедило.

– С чего бы духу Татьяны захотеть обманывать меня? – возразила я. – И алхимики не всезнающие. В записке сказано, что эта информация хранилась в глубокой тайне от мороев; наверное, и от алхимиков тоже. По крайней мере, в таком предположении есть смысл.

Сидни насмешливо фыркнула – ей не понравилось мое замечание о том, что алхимики «не всезнающие», – но про-

молчала. А вот Дмитрий отказался принимать на веру мой рассказ без дополнительных доказательств.

– По твоим собственным словам не всегда ясно, что призраки пытаются сказать, – заметил он. – Может, ты неправильно поняла ее.

– Ну, не знаю... – Я воскресила в памяти ее серьезное полупрозрачное лицо. – Мне кажется, эту записку написала она. Внутренний голос говорит, что она. – Я прищурилась, глядя на Дмитрия. – Ты знаешь, что он никогда меня не обманывал прежде. Почему бы не поверить мне и сейчас?

Несколько мгновений мы пристально смотрели друг на друга. Таким сверхъестественным способом я могла узнать, что творится у него в голове. Ситуация выглядела притянутой за уши, но он знал, что интуиция обычно не обманывает меня. Неважно, через что ему пришлось пройти; неважно, какие отношения сейчас между нами, – он знал меня достаточно хорошо, чтобы доверять в этом.

Наконец он кивнул, медленно, почти неохотно.

– Но если мы решим искать этого предполагаемого родственника Лиссы, то нарушим ее приказ оставаться на месте.

– Ты веришь этой записке? – воскликнула Сидни. – Воспринимаешь все всерьез?

Я ощутила вспышку ярости, но сумела скрыть это. Конечно. Именно таким будет следующее препятствие: Дмитрий неспособен послушаться Лиссы. Сидни просто боялась Эйба – и я ее прекрасно понимала, – но у Дмитрия другая моти-

вация. Ведь он дал торжественную рыцарскую клятву Лиссе. И говорить ему, как нелепо выглядит его поведение... это не поможет.

– Формально, да. Но если мы сумеем доказать, что она не последняя в ее роде, это очень поможет ей. Нельзя упустить такой шанс, а от вас требуется одно – обеспечить мою безопасность во время наших поисков, вот и все дела.

Дмитрий задумался. Ох, он хорошо знал меня! Знал и то, что, не добившись своего напрямую, я пойду окольным путем.

– Ладно, – сказал он наконец, и выражение его лица изменилось. Решение было принято, а раз так, теперь он не свернет с этого пути. – Но с чего начать? Неплохо иметь хоть какие-то другие подсказки, кроме таинственной записки.

Я испытала ощущение дежавю, припомнив недавний разговор Лиссы и Кристиана с Эйбом; они тоже ломали головы над тем, с чего начать расследование. Казалось, мы с Лиссой движемся параллельными курсами: нам обоим предстояло разгадать невысказанно сложную загадку, не имея практически никаких серьезных отправных точек. Проигрывая в уме эту их дискуссию, я решила придерживаться той же линии рассуждений, что и Эйб. А именно: начать, отталкиваясь от очевидного.

– То, что это секрет, не вызывает сомнений, – заговорила я. – И кто-то, по-видимому, очень хотел тщательно скрыть его; возможно, чтобы не подпустить Драгомиров к власти.

Не исключено, что этот «кто-то» и выкрал записи.

Из архива алхимиков исчезли бумаги, в которых говорилось, что Эрик Драгомир оказывал финансовую поддержку какой-то таинственной женщине. Я высказала предположение, что с большой долей вероятности эта женщина и была матерью его ребенка.

– Ты могла бы снова заглянуть в это дело.

Последние слова были обращены к Сидни. Может, наличие еще одного Драгомира и не волновало ее, но алхимики по-прежнему хотели бы знать, кто их обокрал.

– Эй, притормозите! Как это получилось, что вы вроде как у меня за спиной приняли решение? – Ее, конечно, задевало, что наша беседа свернула туда, куда свернула, – и без нее. К тому же, учитывая, как протекала сегодняшняя ночь, она не рвалась принять участие еще в одной моей не поддающейся контролю аванюре. – Может, для вас двоих нет ничего страшного в том, чтобы нарушить приказ Лиссы, но я против Эйба не пойду. Не очень-то рассчитываю на его снисходительность.

Да, справедливое замечание.

– Я надеюсь, что он не откажется помочь дочери. Кроме того, старик обожает тайны. Поверь мне, он заинтересуется этим. Между прочим, ты уже подкинула нам самую серьезную подсказку. Ведь если Эрик давал деньги какой-то неизвестной женщине, почему бы ей не быть его тайной любовницей и матерью его ребенка?

– «Неизвестной» – ключевое слово. – Сидни явно была по-прежнему скептически настроена в отношении снисходительности Змея. – Если твоя теория верна – а это еще не факт, – мы понятия не имеем, кто эта любовница. Украденные документы нам этого не скажут, знаешь ли.

– Но есть же другие записи, так или иначе связанные с выкраденными? Или ты могла бы добыть сведения в банке, куда он отсылал деньги.

Больше всего алхимиков волновал сам факт кражи. Коллеги Сидни установили точно, какие бумаги исчезли, но мало интересовались их содержанием. Спорю, им даже в голову не пришло выявить другие документы, имеющие отношение к той же теме.

– Ты на самом деле понятия не имеешь, что стоит за словами «поиск документов»? Это не так-то просто и требует времени, – ответила она.

– Ну... наверное, в таком случае хорошо, что мы затаимся где-то в безопасном месте? – спросила я.

До меня дошло, что на разработку следующего шага нам может потребоваться время, и я пожалела о том, что мы вот так с ходу лишились своего труднодоступного убежища.

– В безопасном месте... – Сидни покачала головой. – Посмотрим. Надеюсь, я не совершаю никакой глупости.

После этих зловещих слов воцарилось молчание. Мне, конечно, хотелось бы знать побольше о том, куда мы едем, но я чувствовала – не стоит форсировать события, рискуя своей

маленькой победой. По крайней мере, я думала, что одержала маленькую победу. Правда, насчет Сидни на все сто процентов не было уверенности, что она с нами, хотя Дмитрия мне, похоже, удалось убедить. Так что сейчас лучше ее не подгонять. Я посмотрела на навигатор. Еще почти час. Хватит времени, чтобы проверить, как там Лисса.

Я не сразу сообразила, где она находится; почему-то я ожидала, что она вернулась в свою комнату. Но нет, она оказалась в таком месте, где я была всего раз: в доме родителей Адриана. Удивительно. Однако, покопавшись в ее мыслях, я поняла, в чем тут дело. При дворе она обитала в гостевом доме, а теперь там царила суматоха, поскольку впавшие в панику после моего бегства гости стремились поскорее уехать. В доме Ивашковых, находящемся в районе постоянного проживания, было гораздо спокойнее – хотя некоторые их соседи тоже сбежали.

Адриан сидел в кресле, небрежно положив ноги на дорогой кофейный столик, наверняка специально подобранный для его матери дизайнером по интерьерам. Лисса и Кристиан только что вошли; она почувствовала в воздухе запах дыма – видимо, Адриан снова вернулся к своим дурным привычкам.

– Если нам повезет, – говорил он Лиссе и Кристиану, – какое-то время предки будут сильно заняты, так что хоть немного проживем в мире и покое. Ну, как, тяжелые были вопросы?

Лисса и Кристиан сели на кушетку, скорее красивую, чем

удобную. Она прислонилась к приятелю и вздохнула.

– Да в общем все ничего. Не знаю, сумели ли мы окончательно убедить их, что не имеем отношения к бегству Розы... но определенно никаких доказательств этого у них нет.

– Вот только с тетей Ташей, похоже, мы влипли в большие неприятности, – добавил Кристиан. – Она жутко разочлилась, что мы не посвятили ее в свои замыслы. По-моему, она сама с удовольствием взорвала бы эти статуи.

– А мне кажется, она больше огорчена тем, что тут замешан Дмитрий, – сказала Лисса. – По ее мнению, мы лишили его шансов на признание обществом.

– Она права. – Адриан взял пульт управления и включил большой плазменный телевизор. Приглушил звук и начал переключать каналы. – Но его же никто не заставлял.

Лисса кивнула, хотя сомневалась в душе – а что, если она неумышленно подтолкнула Дмитрия? Его клятва защищать ее ни для кого не была секретом. Кристиан, видимо, почувствовал ее беспокойство.

– Насколько нам известно, он никогда не...

Стук в дверь прервал его.

– Проклятье! – Адриан встал. – Вот тебе и мир, и покой.

– Твои родители не стали бы стучать, – заметил Кристиан.

– Правда, но это, скорее всего, кто-то из их друзей хочет хлебнуть портвейна или поболтать о нынешней молодежи, ужасной и кровожадной, – откликнулся Адриан.

Лисса услышала звуки открываемой двери и приглушен-

ной беседы. Спустя несколько мгновений Адриан вернулся с незнакомым Лиссе молодым морем.

– Послушай, – произнес парень, оглядываясь со смущенным видом, – я могу прийти попозже.

Заметив Лиссу и Кристиана, он замер.

– Нет-нет. – Удивительно! Переход Адриана от сварливости к сердечности произошел так быстро, словно щелкнули выключателем света. – Уверен, она вот-вот вернется. Вы знакомы?

Парень кивнул, стреляя взглядом по их лицам.

– Конечно.

Лисса нахмурилась.

– Я тебя не знаю.

Адриан продолжал улыбаться, но Лисса почувствовала – происходит что-то важное.

– Это Джо, тот швейцар, который свидетельствовал, что я не был с Розой, когда убили тетю Татьяну. Он работает в здании, где живет Роза.

Лисса и Кристиан выпрямились.

– Повезло, что тебя нашли до судебного заседания, – осторожно заметил Кристиан.

Какое-то время они очень боялись, что Адриана могут привлечь вместе со мной, но Джо объявился как раз вовремя, чтобы свидетельствовать, когда именно видел в здании меня и Адриана.

Джо попятился.

– Мне правда нужно идти. Просто скажите леди Ивашковой, что я заходил – и что покидаю двор. Но все улажено.

– Что улажено? – медленно поднимаясь, спросила Лисса.

– Она... Она знает.

Я не сомневалась – ничего пугающего в облике Лиссы нет, все такая же миловидная и хрупкая. Однако судя по выражению лица Джо... Наверное, его напугал ее взгляд. Я вспомнила, как при недавнем разговоре этот ее взгляд подействовал на Эйба.

– Правда, – повторил Джо. – Мне нужно идти.

Он снова двинулся к двери, но внезапно я почувствовала, как волна духа захлестнула Лиссу. Джо остановился, и она подошла к нему.

– О чем ты хотел поговорить с леди Ивашковой? – требовательно спросила Лисса.

– Полегче, кухня, – пробормотал Адриан. – Чтобы получить ответ, не обязательно использовать столько энергии.

Лисса применила к Джо принуждение, такое мощное, что он в ее руках практически превратился в марионетку.

– Деньги, – хватая ртом воздух и широко распахнув глаза, пробормотал Джо.

– Какие деньги? – спросила она.

Джо заколебался, как будто мог воспротивиться ей, но очень быстро сдался – слишком велика была сила принуждения, да еще с использованием магии духа.

– Деньги... деньги за свидетельство... о том, где он был. –

Джо качнул головой в сторону Адриана.

Спокойствие Адриана тут же улетучилось.

– Что значит «где я был»? В ту ночь, когда умерла тетя? Ты хочешь сказать...

Кристиан быстрее него понял, что имел в виду Джо.

– Леди Ивашкова заплатила тебе, чтобы ты сказал, будто видел Адриана?

– Я и вправду его видел! – воскликнул Джо; он весь взмок. Адриан был прав: Лисса использовала слишком много духа, так много, что это физически вредило Джо. – Я просто... Я просто... Я не помню время... Я вообще время не запоминаю. Так я и другому мужчине сказал. Она заплатила мне, чтобы я указал время, когда он там был.

Адриану все это не нравилось, совсем не нравилось. К его чести, он сумел сохранить спокойствие.

– А кто этот другой, о котором ты говоришь?

– Да, кто еще был с ней? – подхватила Лисса.

– Никого с ней не было! Леди Ивашкова просто хотела, чтобы ее сын был чист, и ради нее я обманул их... А тот мужчина... другой... ну, он пришел позже... Он хотел знать, когда Хэзевей была там.

В прихожей послышался звук открываемой двери. Лисса подалась вперед, снова «включив» принуждение.

– Кто? Кто это был? Чего он хотел?

Сейчас Джо выглядел так, будто ему совсем нехорошо. Он сглотнул.

– Не знаю я, кто это был! Я его раньше не видел. Какой-то морой. Хотел, чтобы я свидетельствовал, когда видел Хэзевей. Заплатил больше, чем леди Ивашкова. Никому же не повредит... – Он устремил на Лиссу отчаянный взгляд. – Никому же не повредит, что я помог обоим... в особенности раз Хэзевей все равно сделала это.

– Адриан? – зазвенел в коридоре голос Даниэллы. – Ты здесь?

– Закругляйся, – негромко предостерег Адриан Лиссу.

– Как он выглядел? – мягко, не сводя взгляда с Джо, спросила она. – Этот морой? Опиши его.

По деревянному полу коридора зацокали каблучки.

– Не знаю я! Клянусь! Простой. Обычный. Вот разве что рука... Пожалуйста, позвольте мне уйти...

Адриан оттолкнул Лиссу в сторону, разорвав контакт между нею и парнем. Джо практически осел на пол, но потом опять напрягся, встретившись взглядом с Адрианом. Снова принуждение – но гораздо слабее того, что применяла Лисса.

– Забудь обо всем, – прошептал Адриан. – Этого разговора не было.

– Адриан, что ты...

Даниэлла остановилась в дверном проеме гостиной, вглядываясь в открывшуюся ей мизансцену. Кристиан сидел на кушетке, но Адриан и Лисса были всего в нескольких дюймах от Джо, чья рубашка промокла от пота.

– Что происходит? – воскликнула Даниэлла.

Адриан сделал шаг назад и одарил мать очаровательной улыбкой, так пленяющей женщин.

– Этот парень зашел повидаться с тобой, мама. Дожидаюсь, пока ты вернешься, мы поболтали с ним, а теперь собираемся уходить.

Даниэлла перевела взгляд с сына на Джо. Она была явно сбита с толку и одновременно встревожена. Слова Адриана об «уходе» удивили Лиссу, но она последовала его примеру. Как и Кристиан.

– Рада была повидаться с вами, – сказала Лисса, пытаясь изобразить улыбку в стиле Адриана.

Джо выглядел потрясенным. Приказ Адриана наверняка привел к тому, что бедняга забыл даже, как вообще оказался в доме Ивашковых.

Не успела Даниэлла и слова произнести, как Адриан вышел в сопровождении Лиссы и Кристиана.

– Что это было, черт побери? – спросил Кристиан, как только они оказались снаружи.

Я не поняла, что он имел в виду – мощное принуждение Лиссы или откровения Джо.

– Не знаю, – мрачно, без тени улыбки ответил Адриан. – Но нужно поговорить с Майклом...

– Роза!

Мягкий голос Дмитрия вернул меня к нему и Сидни. Без сомнения, он узнал характерное выражение моего лица и понял, где я была.

– Как там, все в порядке?

Он, конечно, имел в виду двор. Я кивнула, хотя слова «в порядке» не совсем точно отражали то, свидетелем чего я стала. А свидетелем чего я стала? Признания в лжесвидетельстве? Откровений по поводу фальсификации некоторых доказательств против меня? Меня мало волновал тот факт, что Джо солгал ради безопасности Адриана. Адриан не имел отношения к убийству Татьяны – пусть же остается чист и на свободе. Меня заинтересовала вторая часть. Что это за «обычный» морой, уплативший Джо, чтобы тот солгал, когда точно я находилась дома, и тем самым лишил меня алиби?

Не успела я хорошенько обдумать последствия увиденного, как заметила, что машина стоит. Затолкав информацию о Джо в глубину сознания, я попыталась оценить новую ситуацию. На переднем сиденье мерцал экран ноутбука Сидни, и она искала что-то, прокручивая страницы.

– Где мы?

Я выглянула в окно и в свете фар с грустью увидела заправку.

– В Алтсвуде.

По-моему, тут не было ничего, кроме заправки.

– По сравнению с этим тот последний городишко – прямо Нью-Йорк.

Сидни закрыла ноутбук, передала его мне, и я поставила его на заднее сиденье рядом с собой и рюкзаками, которые она чудесным образом успела прихватить из мотеля. Вклю-

чив двигатель, она отъехала с парковки. Неподалеку я разглядела шоссе и ожидала, что она свернет к нему. Увы, вместо этого она поехала мимо заправки, во тьму. Как и в предыдущем случае, нас окружали горы и леса. Узкая дорога уходила все глубже и глубже. Хотя я не могла видеть лица Сидни, но ощущала ее тревогу.

Минуты тянулись словно часы, и наконец узкая дорога привела нас на большую, плотно утрамбованную поляну. Там были припаркованы другие машины, в основном старые с виду. Странное место для парковки – вокруг стеной уходил в небо темный лес. Сидни заглушила двигатель.

– Это что-то вроде палаточного лагеря? – спросила я.

Не отвечая, она посмотрела на Дмитрия.

– Ты и впрямь такой крутой, как говорят?

– Что? – удивился он.

– Я имею в виду, в сражении. Все только и твердят, как опасно с тобой связываться. Это правда? Ты и впрямь настолько крутой?

Дмитрий задумался.

– Ну, есть немного.

Я фыркнула.

– Он очень крутой.

– Надеюсь.

Сидни протянула руку к дверной ручке; я тоже открыла свою дверцу.

– А я тебя не интересую?

– Я и так знаю, как опасно с тобой связываться, – ответила она. – Сама видела.

Ее комплимент звучал приятно, но успокаивал мало. Мы пошли через парковку.

– Почему мы остановились здесь?

– Потому что дальше придется идти пешком.

Она включила фонарик, зашарила лучом по сторонам и наконец осветила вьющуюся между деревьями тропинку, такую узкую и заросшую, что ее легко можно было не заметить.

– Вон туда.

Сидни свернула в ту сторону.

– Постой, – сказал Дмитрий.

Он встал перед ней, я немедленно заняла место замыкающей. Стандартный боевой порядок стражей. Мы защищали ее с обеих сторон, как если бы она была морозом. Всякие мысли о Лиссе выскочили у меня из головы, все внимание было сосредоточено на текущей ситуации, все чувства обострены на случай потенциальной опасности. Судя по выражению лица Дмитрия, он тоже мобилизовался. Оба мы сжимали в руках колья.

– Куда мы идем? – спросила я, стараясь не зацепиться за корень, не угодить в яму на тропинке и чувствуя, как ветки царапают руки.

– К тем, кто точно вас не выдаст.

Не успели новые вопросы сорваться с моих губ, как внезапно вспыхнул ослепительно-яркий свет. К этому момен-

ту мои глаза приспособились к темноте и не могли мгновенно перестроиться. Среди деревьев слышался шелест, возникло ощущение, что там прячется много народу. Когда зрение вернулось, я разглядела вокруг лица вампиров.

Девять

К счастью, это оказались морои.

Что не помешало мне вскинуть кол и придвинуться ближе к Сидни. Никто не нападал на нас, но я сохраняла боевую позицию, хотя... вряд ли это имело значение. Пристально вглядываясь, я увидела, что мы плотно окружены кольцом примерно из десяти человек. Мы не солгали Сидни – скорее всего, я и Дмитрий смогли бы справиться и с такой группой, хотя это было бы нелегко в таком ограниченном пространстве. Поняла я и еще кое-что – не все они морои, только те, кто ближе к нам, а за их спинами виднелись дампирьы. И яркий свет, который, как я подумала вначале, создавали факелы или электрические фонарики, на самом деле исходил от огненного шара, который держала в руках одна моройка.

Вперед вышел один из мороев, примерно возраста Эйба, с косматой каштановой бородой и серебряным колом в руке. Кол выглядел грубее моего, но его острие тоже могло причинить вред. Скользнув взглядом по нашим с Дмитрием лицам, мужчина опустил кол, пристально посмотрел на Сидни и внезапно потянулся к ней. Мы с Дмитрием рванулись, чтобы остановить его, но остальные тоже рванулись, чтобы остановить нас. Я чуть не накинулась на них, но замерла, когда придушенный голос Сидни произнес:

– Подождите...

Сжимая ее подбородок, бородатый морой повернул голову Сидни таким образом, чтобы свет упал ей на щеку, осветив золотистую татуировку. Он отпустил Сидни и сделал шаг назад.

– Девушка с лилией, – проворчал он.

Остальные слегка расслабились, хотя демонстрировали готовность напасть, если их спровоцируют. Моройский вождь переключил внимание на меня и Дмитрия.

– Вы здесь, чтобы присоединиться к нам? – настороженно спросил он.

– Нам нужно укрыться, – сказала Сидни, ощупывая горло. – Их преследуют... порченые.

Женщина с огненным шаром скептически оглядела нас.

– Они больше похожи на шпионов порченных.

– Королева порченных мертва, – сказала Сидни и кивнула на меня. – Они думают, что это сделала она.

Любопытство подталкивало меня начать расспросы, но я сдержалась, понимая, что при таком странном повороте событий лучше предоставить инициативу Сидни. Я не понимала ее слов. Она сказала, что нас преследуют порченые, и я подумала, что она пытается внушить этим людям, будто речь идет о стригоях. Теперь, после упоминания о королеве, я засомневалась. И еще я сомневалась, насколько это умно – обозначить меня как потенциальную убийцу королевы. Создавалось впечатление, что бородатый запросто сдаст меня, чтобы получить вознаграждение. Судя по состоянию его

одежды, оно ему не помешало бы.

К моему удивлению, он расплылся в улыбке.

– Значит, еще один узурпатор пал. Новый уже есть?

– Нет, – ответила Сидни. – Выборы вскоре состоятся.

Улыбки на лицах сменились презрительными гримасами, слышались осуждающие замечания по поводу выборов.

– Как еще можно выбрать нового монарха?

– Единственным истинным способом, – ответил ближайший дампир, – существующим с очень давних времен. В сражении до последней капли крови.

Я решила, что это шутка, но парень явно говорил серьезно. Мне хотелось спросить Сидни, во что она нас втянула, но к этому моменту мы, по-видимому, выдержали проверку. Их вожак повернулся и двинулся по тропинке. Остальные последовали за ним, понуждая и нас идти с ними. Прислушиваясь к их разговорам, я обратила внимание на акцент. У портье в мотеле был очень сильный южный акцент, что вполне объяснимо в этой части страны. Эти люди говорили в том же духе, но к их речи примешивалось что-то еще, напоминающее, к моему удивлению, акцент Дмитрия.

Я была так взвинчена и напряжена, что не обратила внимания на то, как долго мы шли. В конце концов тропинка вывела нас к чему-то, напоминающему укрытый в глубине леса палаточный лагерь. Посреди поляны пылал огромный костер, вокруг сидели люди. Но по одной стороне дороги, расширившейся до улицы, были разбросаны настоящие дома,

и это создавало иллюзию маленького городка или, по крайней мере, деревни. Дома выглядели маленькими, убогими, и все же это были дома. С другой стороны от костра, закрывая собой звезды, резко уходили вверх горы. В свете пламени на горном склоне были хорошо различимы большие валуны, растущие там и тут деревья, перемежающиеся какими-то темными дырами.

Я переключилась на сидящих вокруг костра – их было человек тридцать. Когда мы и наши сопровождающие подошли, все разговоры смолкли. Прежде всего я обратила внимание на их количество – воин во мне автоматически подсчитывал противников, планируя нападение. Потом, в точности как раньше, я вгляделась в лица. Снова морои, дампирьы и, к моему крайнему удивлению, люди.

И это не были «кормильцы»; ну, не в том смысле, как я привыкла их воспринимать. На шеях некоторых людей даже в трепещущем свете костра можно было различить следы укусов, но, судя по серьезному выражению их лиц, они не сдавали кровь регулярно. Эти люди не были одурманены. Замешавшись среди мороев и дампириров, они сидели, стояли, разговаривали, занимались какими-то привычными делами; чувствовалось, что все в целом входят в какую-то единую общину. Может, эти люди наподобие алхимиков? Может, у них какие-то деловые отношения с мороями и дампирами?

Наш плотный эскорт начал рассеиваться, и я пододвинулась к Сидни.

– Ради бога, кто это такие?

– Хранители, – негромко ответила она.

– Хранители? Что это значит?

– Это значит, – ответил бородатый морой, – что, в отличие от вас, отступников, мы храним прежние, единственно правильные устои.

Я во все глаза смотрела на этих «хранителей» в изношенной одежде и на их грязных, босоногих детей. Учитывая, как далеко от цивилизации мы забрались и как темно было даже на небольшом расстоянии от костра, я готова была поспорить на что угодно, что у них нет электричества. У меня чуть было не вырвалось, что, по моим понятиям, это совсем не те условия, в которых должны жить люди. Однако, вовремя вспомнив, с какой легкостью они рассуждали о «сражении до последней капли крови», я сошла за лучшее держать свои мысли при себе.

– Зачем они здесь, Раймонд? – спросила сидящая у костра женщина. Она была человеком, но обращалась к бородатому морю попросту и даже фамильярно, не в той отстраненной манере, в какой «кормильцы» обычно разговаривают с морями. И даже не тем натянутым тоном, каким общаются друг с другом дампирь и алхимики. – Они хотят присоединиться к нам?

Раймонд покачал головой.

– Порченые гонятся за ними из-за убийства своей королевы.

Я хотела было возразить, но Сидни ткнула меня локтем. Я стиснула зубы, ожидая, что толпа набросится на меня с осуждением, но вместо этого с удивлением обнаружила, что все смотрят на меня со смешанным выражением благоговейного ужаса и восхищения – прямо как те, которые встретили нас в лесу.

– Мы приютим их, – объяснил Раймонд, широко улыбаясь нам, уж не знаю почему: то ли одобряя, что мы убийцы, то ли из-за прикованного к нему всеобщего внимания. – Хотя будем рады, если они предпочтут поселиться здесь. У нас есть места в пещерах.

В пещерах? Я вскинула голову к уходящему ввысь склону и только сейчас поняла, что это за темные дыры. Прямо у меня на глазах некоторые люди отходили от костра и исчезали в глубинах горы.

Пока я боролась с охватившим меня ужасом, заговорила Сидни:

– Нам нужно задержаться здесь... – Она заколебалась; неудивительно, учитывая, насколько расплывчатыми были наши новые планы. – Всего на пару дней, скорее всего.

– Можете остановиться у меня, – предложил Раймонд. – Даже ты.

Последние слова были обращены к Сидни и прозвучали как любезность.

– Спасибо, – ответила она. – Мы признательны за возможность провести ночь в вашем доме.

Ударение на последнем слове было рассчитано на меня, поняла я. Деревянные дома вдоль пыльной дороги не выглядели роскошными даже при самом пылком воображении, но все равно я без колебаний отдавала им предпочтение перед пещерами.

Деревня – или община, или как там у них это называлось – пришла в заметное волнение, когда новости распространились среди ее обитателей. Они осыпали нас градом вопросов, начиная с самых простых, о наших именах, и заканчивая конкретными уточнениями того, как именно я убила Татьяну.

От ответа на последний вопрос меня избавило то, что женщина, прежде разговаривавшая с Раймондом, вскочила и ворчливо обратилась к остальным:

– Хватит! Уже поздно, и я уверена, что наши гости голодны.

Честно говоря, я просто умирала с голоду, но не была уверена, настолько ли, чтобы съесть тушеного опоссума, или что тут у них принято называть едой. Слова женщины были встречены с некоторым недовольством, но она заверила остальных, что они смогут поговорить с нами завтра. Оглянувшись, я увидела, что небо на востоке слегка порозовело. Восход. Эти морои, придерживающиеся традиционных устоев, жили по ночному расписанию, а это означало, что через несколько часов все лягут спать.

Сообщив, что ее зовут Сара, женщина повела нас по пыль-

ной дороге. Раймонд крикнул, что скоро присоединится к нам. По пути мы видели людей, бродящих около редких, обветшалых домов, – возможно, они собирались лечь спать или, наоборот, проснулись, разбуженные всеобщей суматохой. Сара посмотрела на Сидни.

– Ты привезла нам что-нибудь?

– Нет. Я просто сопровождаю их.

Сара выглядела разочарованной.

– Важное дело.

Сидни, казалось, испытывала неловкость.

– Как давно наши люди вам что-нибудь доставляли?

– Несколько месяцев назад.

Лицо Сидни помрачнело, но она ничего не сказала.

В конце концов Сара ввела нас в один из самых больших и приятных с виду домов; правда, совсем простой и построенный из некрашенных досок. Внутри царил полный мрак; пришлось подождать, пока хозяйка разожгла старомодные фонари. Я оказалась права – никакого электричества. Интересно, а как тут у них с туалетом и водопроводом?

Пол, тоже деревянный, покрывали большие ковры с яркими узорами. По-видимому, мы находились в комнате, представляющей собой гибрид кухни, гостиной и столовой. В центре – большой очаг, деревянный стол с креслами с одной стороны и большими подушками – с другой; надо полагать, они заменяли софу. Рядом с очагом стояла подставка с сушеными травами, наполняя комнату острым ароматом,

который смешивался с запахом горелого дерева. В дальней стене виднелись три двери, и Сара кивнула на одну из них.

– Вы можете спать в комнате девочек, – сказала она.

Я поблагодарила ее, хотя представления не имела, как выглядит предложенная нам комната. Мне уже не доставало мотеля.

Я с любопытством разглядывала Сару – примерно ровесница Раймонда, в простом голубом платье до колен. Светлые волосы связаны сзади в пучок; мне она показалась невысокой, как и большинство людей.

– Вы домоправительница Раймонда?

Ни в какой другой роли я ее себе не представляла. На шее виднелись следы нескольких укусов, но «кормильцем» она точно не была. По крайней мере, в полном смысле этого слова. Может, здесь «кормильцы» еще и помогают по дому?

Она улыбнулась.

– Я его жена.

– Ох! – вырвалось у меня.

Сидни бросила на меня пронзительный взгляд, отчетливо говорящий: «Оставь это!» Я стиснула челюсти и коротко кивнула ей в знак понимания.

Вот только я все равно не понимала. У морюев и дампиоров часто случаются кратковременные романы. Женщинам-дампирам без этого просто нельзя. Более длительные связи всегда носят скандальный характер, но совсем исключить их нельзя.

Однако морои и люди? Это уже за пределами понимания. Эти расы на протяжении столетий сторонились друг друга. Давным-давно они создали дампиров, но по мере того, как прогрессировал современный мир, морои полностью отказались от смешения (в интимном смысле) с людьми. Мы, конечно, живем среди них. Морои и дампирсы работают бок о бок с людьми по всему миру, покупают дома по соседству с ними и заключают странные соглашения с тайными обществами вроде алхимиков. И конечно, морои питаются кровью людей – и это главное. Если ты держишь человека рядом с собой, то лишь в качестве «кормильца». Вот такой уровень интимности. «Кормильцы» – еда, чистая и простая. Еда, с которой хорошо обращаются, да; но не еда, с которой водят дружбу. А морой, занимающийся сексом с дампиркой? Пикантно. А морой, занимающийся сексом с дампиркой и пьющий ее кровь? Грязно и унижительно. Но уж морой, занимающийся сексом с человеческой женщиной, независимо от того, пьет ее кровь или нет? Непостижимо.

Мало что на свете может шокировать или оскорбить меня. Когда речь идет о романтических отношениях, я весьма либеральна; однако идея брака человеческой женщины и мороя... у меня просто крышу сносило! Это не проблема, если женщина в той или иной степени «кормилица» – кем, по-видимому, была Сара – или занимает позицию «над» – как Сидни. Люди и морои не могут быть вместе, и точка. Это примитивно, неправильно – вот почему больше такого

не происходит. По крайней мере, в моем мире.

«В отличие от вас, отступников, мы храним прежние устои».

Забавно! Каким бы неправильным все это мне ни казалось, Сидни с ее неприятием вампиров должна была испытывать еще более сильные эмоции. Правда, для нее это было не внове, что, по-видимому, помогало ей сохранять спокойствие. Не то что мне и, между прочим, Дмитрию. Что-то подсказывало мне, что он разделяет мои чувства, просто лучше меня умеет скрыть удивление.

Суматоха у двери вывела меня из прострации. Появился Раймонд, и не один. На его плечах сидел мальчик-дампир лет восьми, и девочка-моройка примерно того же возраста торопливо семенила рядом. Следом за ними вошла хорошенькая моройка лет за двадцать, а за ней дэмпир года на два старше меня, а может, и моих лет.

Всех представили друг другу. Детей звали Фил и Молли, а моройскую женщину Паулеттой. Похоже, все они жили здесь, но вычислить, кто кому кем приходится, у меня не получалось – за исключением дэмпирского парня по имени Джошуа, примерно моего ровесника, сына Раймонда и Сары. Он улыбался всем нам – в особенности мне и Сидни, – а его глаза очень походили на сверкающие прозрачно-голубые глаза всех Озера. Только если в семье Кристиана преобладали темноволосые, Джошуа был почти блондином, с волосами песочного цвета со светло-золотистыми прядями. Долж-

на признать, эффективное сочетание, но ошеломленная часть сознания напомнила мне, что он рожден от союза человека с мороем, а не дампира с мороем, как я. Конечный продукт получился тот же самый, но средства, которыми это было достигнуто, казались ужасно неестественными.

– Я разместила их в вашей комнате, – сказала Сара Паулетте. – А вы все можете переночевать в верхней спальне.

Не сразу, но я поняла, что ее «вы все» включает в себя Паулетту, Джошуа, Молли и Фила. Подняв взгляд, я действительно увидела нечто вроде верхнего этажа, по ширине занимающего примерно половину дома. На первый взгляд маловато места для четверых людей.

– Не хотелось бы стеснять вас, – сказал Дмитрий, как бы прочтя мои мысли. Почти на всем протяжении этого приключения в чаще леса он помалкивал, экономя энергию для действия. – Мы могли бы прекрасно устроиться там.

– Не беспокойтесь. – Джошуа снова одарил меня очаровательной улыбкой. – Мы не возражаем. И Ангелина тоже будет не против.

– Кто? – спросила я.

– Моя сестра.

Я чуть было не состроила гримасу, но сдержалась. Значит, пятеро будут спать в тесноте ради того, чтобы мы ночевали в комнате.

– Спасибо, – сказала Сидни. – Мы очень ценим это и не задержимся надолго.

Справившись со своей неприязнью к миру вампиров, алхимики могут быть очень вежливы и гостеприимны – если пожелают.

– Очень жаль, – вставил Джошуа.

– Хватит флиртовать, Джош, – одернула его Сара и добавила, обращаясь к нам: – Хотите перекусить перед сном? Я могу подогреть тушеное мясо. Мы уже поели раньше. И еще есть испеченный Паулеттой хлеб.

Слова «тушеное мясо» снова пробудили мои страхи по поводу опоссума или чего-нибудь в этом роде.

– Не стоит, – поспешно ответила я. – Лично мне вполне хватит хлеба.

– Мне тоже, – сказал Дмитрий.

Интересно почему? Не хочет, чтобы они хлопотали, или разделяет мои опасения? Дмитрий казался человеком, который сумеет выжить в любой дикой местности.

По-видимому, Паулетта испекла много хлеба, потому что нам досталась целая буханка да еще и миска с маслом, которое Сара, наверное, сбивала сама. Поели мы в своей комнате, небольшой, примерно такого размера, как моя спальня в общежитии в Академии. На полу лежали два туго набитых матраца, аккуратно прикрытые лоскутными одеялами; учитывая время года, их, скорее всего, уже несколько месяцев не использовали по назначению. Уминая ломоть удивительно вкусного хлеба, я провела рукой по одному из таких одеял.

– Напоминает узоры, которые я видела в России.

– Да, похоже, – откликнулся Дмитрий. – Но не в точности то же самое.

– Эволюция культуры, – заявила Сидни; видимо, она слишком устала, чтобы воздерживаться от поучительного тона. – Традиционные русские узоры распространились по эту сторону океана и в итоге смешались с типично американскими узорами из разноцветных лоскутков.

– Надо же!

– Мм, спасибо за информацию.

Предоставив нас самим себе, семья шумно готовилась отойти ко сну. Вряд ли нас могли подслушать, несмотря на растрескавшуюся дверь, но на всякий случай я понизила голос:

– Можешь наконец объяснить, кто, черт побери, эти люди?

– Хранители.

– Да, это я слышала. А мы порченые, хотя, по-моему, это название больше подходит стригоям.

– Нет. – Сидни прислонилась к деревянной стене. – Стригои – потерянные. Вы порченые, потому что влились в современный мир, отказавшись от древних обычаев в угоду своим удобствам.

– Ну да, мы не расхаживаем в рабочей одежде.

– Роза, будь осторожна. – Дмитрий с хмурым видом кивнул на дверь. – Мы только что видели людей в рабочей одежде.

де.

– Если это доставит вам удовольствие, – сказала Сидни, – могу сказать, что лично мне больше нравится ваш образ жизни. Видеть, как люди сходятся со всеми этими... – Профессионально любезное выражение лица, припасенное для хранителей, исчезло, откровенная, даже резкая натура взяла свое. – Это отвратительно. Надеюсь, без обид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.